

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Полина
Трофимова

Та,
кого
помнит
ЛЕС

Полина Трофимова

Та, кого помнит лес

<https://litres.ru/74426963>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Чернолесье не ступала нога человека, оттуда никто не возвращался. Но когда на деревню Элиры нападают чужаки, выбора не остается.

В одночасье она потеряла всё. Лес пугает её, как и новый знакомый — хмурый кентавр. Он немногословен, на его груди клеймо изгнанника, и Таэль явно что-то скрывает.

Чем дальше они заходят в чащу, тем запутаннее всё становится. За девушкой ведется охота, и тот, кто идёт по следу, не остановится. Её прошлое окутано тайной, а собственный дар смертельно опасен. Элира решает во что бы то ни стало добраться до Двора фей, чтобы узнать правду. Ей предстоит пережить предательство, научиться слышать голос леса и встретить его обитателей. Но главный вопрос — можно ли доверять тому, кто становится для неё ближе всех?

Атмосферное фэнтези о поиске себя, запретных чувствах и выборе, который определяет судьбу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	39
Глава 6	50
Глава 7	59
Глава 8	69
Глава 9	85
Глава 10	98
Г	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Та, кого помнит лес

Глава 1

Еще час назад воздух пах дымком печей и яблочной пастилой, которую варила старая Рута. Теперь он пропитался запахом горящей соломы, паленой шерсти и чего-то сладковато-тяжелого, заставляющего желудок сжиматься в приступе тошноты.

Знакомый мир рассыпался на осколки вместе со стеклом окна — в проем теперь светило багряное зарево. С улиц доносились не соседские пересуды, а отрывистые команды на чужом языке и одинокий детский плач. Он вдруг оборвался.

Элира не бежала. Она волочила за собой отца, его рука то и дело соскальзывала с ее мокрой ладони. Еще немного, совсем близко, и можно, пусть ненадолго, укрыться в сарае.

Внутри было относительно тихо, ноздри защекотал знакомый запах перегоя. Отец рухнул на груды мешков с пугающим стоном.

Она опустилась рядом на колени, потянувшись к нему. Привычный жест, отточенный сотнями просьб: «Элирочка, нога болит, подвернул», «Дочка, голова раскалывается», «Подсоби, у малыша жар». Но сейчас ее пальцы встретили не горячую кожу, а мокрую ткань. Отцовская светлая рубаха пропиталась чем-то тягуче-липким.

Едва сдерживая дрожь, Элира приподняла край. Это была даже не рана. Это была пустота. Рваная, бездонная темнота в области живота, откуда сочилась кровь. Девушка на миг прикрыла глаза.

Все казалось дурным сном! Это же ее папочка: крепкие натруженные руки, жесткая светлая щетина, шрамы от работы в кузнице, ямочки на щеках и терпкий запах табака. Единственный близкий человек на всем белом свете смертельно ранен. Взгляд, обычно ясный и цепкий, сейчас помутнел.

— Элли... — его губы едва шевелились, выплевывая пузыри кровавой пены.

— Нет-нет, пап, помолчи! Все будет хорошо!

Элира прижала ладони к страшной ране. Не думая, только чувствуя. Все ее существо сжалось в ледяной комок, а внутри натянулось нечто тонкое, хрупкое, похожее на серебряную нить. Натянулось и оборвалось, не в силах зацепиться за ускользающее.

Руки девушки окутало сияние. Тусклый, едва различимый свет лился не извне, а вытягивался из нее самой — из-под кожи на запястьях, из глубины костей. Магия силилась заполнить пустоту, срастить плоть. Но это похоже на попытку остановить прорванную плотину соломинкой: слишком тяжелое увечье. Элира почувствовала, как холодеет. Жизненная сила стекала по ее тонким пальцам прямо в рану, но терялась в бездне.

Отец закашлялся. Его некогда сильная, но сейчас трясущаяся

щаяся рука вцепилась в подол девушки.

— Остановись... — прохрипел он. — Знаешь же, что нельзя.

Конечно, она знала, что не удержит его, не сможет спасти. Но не могла перестать пытаться, не могла отпустить.

— Лес, — прошептал отец. — Беги в лес... скроет... твой...

Последнее слово так и не успело сорваться с губ. Взгляд на миг прояснился, вновь стал осознанным. Но отец смотрел не на Элиру, а на что-то за ее спиной. В будущее, которое ему не суждено увидеть. Потом свет в его глазах погас, быстро и окончательно.

Свечение на руках девушки опало, оставив после себя не привычное тепло, а леденящую, всепоглощающую пустоту. Тело трясло так, что казалось, будто кости сейчас потрескаются. Перед глазами заплясали темные пятна.

Не смогла. Не спасла. Не спасла никого.

Губы приоткрылись в немом крике, Элира прижалась к отцу. Хотелось выть, рвать и метать. Забыться, перестать существовать. Навсегда остаться здесь.

Но, повинуясь какому-то внутреннему импульсу, она вдруг вскочила. Разум будто отключился. Тело двигалось на одном инстинкте, древнем, как само естество: инстинкте самосохранения.

— Бежать, надо бежать, — прошептали растрескавшиеся губы.

Дверь сарая легко поддавалась, выпуская Элиру из временного убежища. Снаружи ее ждал настоящий кошмар.

Деревня полыхала. Языки пламени лизали почерневшие каркасы домов, вздымая к небу тучи искр. Воздух гудел от треска дерева, шипения огня и криков людей. Они были разными: наполненными болью и отчаянием, тихими, как шелест травы, умоляющими о пощаде.

Между горящими строениями мелькали чужие фигуры — незнакомцы в темных одеждах, с короткими клинками в руках. Они двигались быстро, отточенными движениями обрывая жизни, не разбирая, кто перед ними — ребенок или немощный старик.

И всюду — тела. Добродушный сосед Фредди лежал у колодца. Старая Рута растянулась прямо на тропинке к дому, рядом валялся поднос с остывшей пастилой. Красивое некогда лицо жены мясника Анны, чья хрупкая фигурка прислонилась к стене, залило кровью. Никто не подавал признаков жизни.

Элира отшатнулась, врезавшись спиной в дверь сарая. Жар от огня опалял лицо. В глазах стояли слезы — от едкого дыма и разрывающей душу скорби.

Выбора нет. Она метнулась прочь от смерти, в объятия темноты, к самому жуткому месту, что знала.

Чернолесье.

Оно высилось впереди стеной из сплошного мрака, древнее и безразличное ко всему, что творилось за его предела-

ми. Огромные деревья, с ветвями, сплетенными словно костлявые пальцы, наблюдали и ждали.

Все истории, все предостережения старших всплыли в памяти. Истина, впитываемая каждым жителем страны с молоком матери, гласила: туда нельзя. В Чернолесье не ступала нога человека, оттуда никто не возвращался. Во всяком случае, в здравом уме.

Элира замерла, взглянув на деревню. Там ее точно ждала гибель. Но и впереди ничего хорошего, лишь до жути пугающая неизвестность.

Девушка заставила себя сделать шаг к лесу, затем второй. Трава под ногами сменилась влажным мхом. Запах гари исчез, уступая место тяжелому аромату гнилой листвы, сырой земли и чего-то еще... древнего и спящего.

Она оглянулась в последний раз. Ее мир погребен под алоголовым саваном. Черное небо колыхалось от отсветов пожара, будто сама ночь истекала кровью.

И Элира побежала. Не видя тропы, спотыкаясь о корни, казавшиеся живыми. Ветви хлестали ее по лицу, оставляя на коже мокрые полосы. Крики и шум растворились, поглощенные тишиной леса.

Ноги подкашивались, в груди ныло, каждое движение причиняло боль. Она отдала слишком много, пытаясь спасти односельчан и отца. Мир поплыл перед глазами. Стволы замелькали, закружились, сливаясь в сплошную пелену.

Нельзя падать, нельзя...

Но силы покинули целительницу. Реальность ускользала, словно пойманная рыба из рук. И последнее, что она почувствовала, прежде чем погрузиться в пустоту, был не холод земли, а ощущение, будто сам лес склонился над ней. Всевидящий, безразличный взгляд, не знающий ни злобы, ни милосердия. Лишь безмолвное любопытство.

А потом Элира провалилась в спасительную темноту.

Глава 2

Сознание возвращалось медленно, словно проверяя чувства на прочность.

Сначала пришел слух. Тишина отступила. Лишь симфония леса: щелчок ветки где-то наверху, тонкий писк невидимой птицы и уютное потрескивание огня.

Потом вернулось обоняние. Запах прелых листьев, древесной смолы и отсыревшей шерсти.

Осязание позволило ощутить под щекой нечто мягкое и одновременно колючее — кто-то укрыл ее одеялом.

Над ней, уходя ввысь и теряясь в серо-зеленом сумраке, склонились кроны деревьев. Неба не видно. Только сплетение ветвей, затянутое дымкой, будто лес создал для нее собственный потолок.

Лес.

Мысль пронзила мозг ледяной иглой. Затем хлынул поток воспоминаний: огонь, крики, кровь на руках, гибель отца, бегство в крошечную тьму.

Она резко села, и мир пошатнулся. Голову сдавило тугим обручем боли. Элира зажмурилась, пережидая волну тошноты. А когда снова открыла глаза, то увидела небольшой костер. Огонь танцевал, отбрасывая тени на мохнатые корни и стволы.

Взгляд наткнулся на копыта.

Черные, отполированные, будто речной камень. Выше — мощные лошадиные ноги с короткой шерстью темно-каштанового цвета. Мышцы под кожей играли при малейшем движении, давая понять: эти ноги созданы не для размеренного шага, а для быстрого, долгого бега.

Глаза заскользили выше. Мимо ремня, опоясывающего мощный конский круп, мимо мускулистого перехода... К мужскому торсу.

Широкие плечи, обтянутые заношенным жилетом. Оголенные руки со смуглой кожей, покрытой сетью шрамов. Длинные, почти черные волосы собраны в небрежный хвост у основания крепкой шеи. И лицо. Молодое, с резкими чертами: высокие скулы, прямой нос, твердый подбородок. Но главное — глаза. Глубокие, темные, как почва под копытами их обладателя. Они смотрели на Элиру без тени удивления, без злобы, даже без любопытства. Как смотрят на проплывающие мимо облака или на копошащихся в траве жуков. С абсолютным равнодушием.

«Кентавр», — прошептал где-то в глубине ослабленного сознания голос, похожий на ее собственный, но сейчас писклявый и испуганный.

— Доброе утро. Очнулась? — голос кентавра же был низким, бархатистым, но напрочь лишенным тепла.

Элира попыталась что-то сказать. Открыла рот, но горло сжалось, выдав лишь позорный хрип. В голове звенел колокол, мысли роились, сталкивались и рассыпались: «*Onas-*

ность! Дурной нрав, не любят людей. Где я? Отец мертв, все мертвы. Может, и я тоже?». Сердце колотилось, грозясь выпрыгнуть из груди. Внутренний хаос ощущался непосильной ношей, темные пятна закружились перед глазами. Сумрак леса стусился и навалился со всей тяжестью.

Сознание снова отступило, спасовав перед реальностью.

Второе пробуждение оказалось не таким оглушающим. Боль ушла, оставив после себя знакомую пустоту — как и всегда, когда Элира тратила слишком много сил на исцеление других. Тело все еще ломило, но уже скорее от долгого лежания на одном месте. Зато проснулись жажда и голод — тоже последствия попыток не дать умереть отцу. Организм требовал восполнить силы немедленно.

Девушка села, отбросив колючее одеяло из грубой шерсти. Костер все еще горел, а возле на плоском камне дымилась плошка, где готовилась яичница. Два крошечных ярко-желтых глазка призывно смотрели на Элиру. Рядом стояла деревянная кружка, откуда валил пар и исходил пьянящий травяной аромат.

Живот заурчал, на миг заглушив страхи. Элира, все еще ощущая слабость, на четвереньках подползла к костру. Оглянулась: поляна пуста, только она, лес и еда. Она нерешительно протянула руку к кружке, пальцы обхватили теплые бока. Как-то неловко. Вдруг это не для нее?

— Угощайся. А то, не ровен час, испустишь дух от голода.

Голос раздался откуда-то из-за спины. Тихо, но так чет-

ко, будто говорящий склонился прямо над ухом. Девушка вздрогнула — обжигающий отвар плеснул на пальцы. Она ахнула и отдернула руку.

Кентавр вышел из-за ствола, будто материализовавшись из самой тьмы. Теперь, когда сознание стало ясным, он выглядел еще более громадным. Конская часть — мощной и поджарой, шерсть на крупе отливала медью в свете костра. На груди, чуть ниже ключицы, проступал шрам в виде грубо перечеркнутого сложного узора, похожего на печать. Лицо оставалось непроницаемым, но в темных глазах, когда они скользнули по обожженным пальцам девушки, мелькнула едва уловимая искра. Не сочувствие — скорее досада, как смотрят на расшалившегося щенка.

Стыд и голод вступили в короткую схватку. Первый проиграл. Элира набросилась на яичницу, невероятно вкусную и сытную. Травяной отвар согрел изнутри, разнося по телу волну живительного тепла. Она ела, украдкой разглядывая поляну. Шкура под ней мягкая, мехом кверху. Все обустроено с удивительной для кентавра практичностью и... заботой? Нет, вряд ли.

Что вообще Элира знала о кентаврах?

Не так много. Она видела их пару раз, когда они с отцом ездили на ярмарку в соседний городок. Но лишь украдкой — те тогда несли службу в карауле. Кентавры были народом гордым и своенравным. Людей не любили, среди них жили редко, предпочитая обособленные общины. В деревне Эли-

ры их считали опасными, и не зря. Здоровяк, наблюдающий сейчас за ней, не выглядел добродушным. Пока она доедала, он вдруг заговорил. Слова казались напрочь лишёнными эмоций.

— Мое имя Таэль. Я нашел тебя на опушке. Ты прибежала из горящего поселения. Обессиленная, искала спасения в лесу. Весьма опрометчиво с твоей стороны, но, полагаю, выбора не осталось. Лес позволил тебе пройти. Более того — укрыл, ведь по следу уже шел убийца. Такое бывает редко. Значит, он счел тебя... небесполезной. А раз так, то мой долг — помочь тебе выбраться.

Девушка вытерла губы тыльной стороной ладони. И вздрогнула. Руку покрывали полосы засохшей крови и грязи. Боль потери ударила с новой силой. Но на этот раз она не лишила чувств, а лишь сдавила горло тугим спазмом.

— Я Элира. Элира Брайер. Спасибо за все, — тихо сказала Элира.

Она рассказала про нападение на деревню, про отца. Коротко и обрывисто. Вряд ли кентавру интересны детали. Да и сама она пока не хотела вспоминать подробностей. Про свой дар тоже не скрыла, ограничившись скромным описанием.

Таэль слушал, не перебивая. Когда девушка замолчала, в воздухе повисла гнетущая тишина, прерываемая только треском поленьев в костре.

— За лесом есть поселение людей. Я проведу тебя, — сказал он наконец. — Но идти придется через чащобу. По опуш-

кам все еще могут рыскать те, кто на вас напал. А теперь иди умойся, ручей там.

Таэль кивнул в сторону завесы из папоротников. Элира почувствовала, как холодный комок страха снова сжал грудь. Уйти от костра? От кентавра? В этот жуткий, шепчущий сумрак?

— Лес принял тебя. Пока бояться стоит разве что собственной тени. И грязи. Ступай.

Он не пытался ее приободрить. Это был сухой и безэмоциональный приказ.

Девушка поднялась и, пошатываясь, направилась в сторону зарослей. Ручей обнаружился совсем рядом. Холодная вода стала спасением. Она смывала кровь, грязь, копоть пожара и частички прошлой жизни. Где-то на задворках сознания назойливой мухой крутилась мысль: *«Больше никогда не будет, как раньше»*. Лицо в отражении казалось бледным, с огромными, полными ужаса глазами. Прядь ослепительно-белых волос чуть ниже виска выбиралась из растрепанной косы. Элира всегда ненавидела ее.

Этот неестественный, сильно выделяющийся на фоне основной массы темных волос локон являлся не просто особенностью. А напоминанием о том, что, если не остановиться вовремя, дар может ее убить.

И она прекрасно помнила день, когда заполучила это предостережение.

Ей было десять. Пса Кренделя, деревенского сторожа,

растерзали волки. Дети нашли его, еще дышащего, в канаве. Все плакали, а маленькая Элира упала рядом с ним на колени. Она чувствовала его невероятную боль. Не думая, девочка взяла ее на себя. Способности тогда только просыпались, ни она, ни отец ничего не знали об их природе. Элира просто открылась, вливая в полумертвое животное всю свою силу.

Позже, прокручивая случившееся в памяти, она думала, что это похоже на то, как ковшом вычерпывают душу. Тошнило, в ушах звенело, мир померк. Она потеряла сознание, домой ее принес отец. Крендель же перестал скулить, его боль отступила. Он прожил еще целых три дня, прежде чем уснуть навсегда.

Когда девочка пришла в себя, отец протянул ей потрескавшееся зеркало. Она увидела эту прядь — белую, как иней на ветвях. Испуганный мужчина не знал, что сказать. Лишь показал, как заплести волосы так, чтобы ее спрятать.

— Людям не нужно знать. Не говори никому, — шепнул он.

С тех пор серебристый локон стал ее тайной. Платой за то, что она не умела пользоваться даром. И доказательством, что невозможно спасти того, кому суждено уйти. Каждый раз, когда она кидалась облегчить чью-то боль, рука Элиры неосознанно тянулась к волосам — будто проверяла, не прибавилось ли в прядке еще белого.

Звуки леса заставили вынырнуть из омуты памяти. Он да-

вил, шелкал, шептал. Каждый шорох вынуждал в ужасе оборачиваться. Девушка наскоро умылась, переплела косу и почти бегом вернулась к костру.

Таэль уже собрался. Два объемных мешка с поклажей висели по бокам лошадиного тела. За спиной виднелись плавные изгибы длинного лука и оперения стрел. У бедра, в ножнах из потертой кожи, покоилась рукоять меча. Значит, воин?

Он взглянул на умытое, но все еще напуганное лицо Элиры, будто оценивая, и кивнул.

— Пошли. Путь неблизкий.

И, не дожидаясь ответа, развернулся и двинулся вглубь чащи. Копыта бесшумно утопали во мху. Девушка в последний раз взглянула на уютную полянку с потушенным костром и поспешила следом.

Путешествие началось. Под ветвями вековых деревьев, в обществе того, кто смотрел на нее как на букашку, и под незримым, безмолвным взором леса. Который лишь приоткрыл одну из своих бесконечных тайн.

Глава 3

Элире чудилось, что лес поглощает их. Шаг за шагом. Солнца не видно, лишь зеленоватый сумрак, пронизанный косыми лучами света, пробивавшимися сквозь плотный полог ветвей. Она шла за Таэлем, стараясь не отставать. Мир сузился до коричневого крупа, бесшумно скользившего меж деревьев, и до звука биения собственного сердца.

О Чернолесье ходили легенды. Их рассказывали шепотом, собравшись вечером у огня. Пугали детей страшными сказками: о вурдалаках, меняющих человеческий облик на волчий; о банши, чей плач предвещает смерть; о темных феях, кружащих человека в вечном танце, пока тот не упадет за смертью от изнеможения.

Никто точно не знал, кто живет в Чернолесье. Потому что те, кто заходил вглубь, не возвращались. Поговаривали, что давным-давно отчаянному охотнику удалось выбраться из чащи. Но вернулся он... другим. Глаза его горели безумием, а изо рта лился бессвязный лепет о «шепчущих между стволов тенях». Бедняга долго не протянул — утонул в реке.

Но Элира знала, что кроме ужаса здесь должна быть и жизнь. Кентавры — вот один, прямо перед ней. Дриады — духи деревьев. Крошечные феи, чья пыльца исполняет желаний. Где же еще им жить, если не в самом сердце Чернолесья?

Только знание это не грело. Оно скорее напоминало о глубоком расколе ее страны — великой Арвелии.

В Арвелии все было сложно. Люди и волшебный народ жили бок о бок, но разделенные невидимой колючей стеной страха и старых обид. Люди завидовали врожденной магии, боялись тех, кто отличается от них. Волшебные существа платили тем же, видя в человеке шумного, жадного и все разрушающего захватчика, врага природы.

Обособленность стала нормой: каждый народ селился отдельно. Встречались и исключения, вроде тех городских стражников-кентавров и дриады, обитавшей в деревне Элиры. Мудрая древесная дева имела тягу к знаниям — она обучала детишек в местной школе, и к книгам. Их Меланья собирала в своей крошечной библиотеке.

От этого становилось грустно. Ведь Элиру всегда манило волшебство. Наверное, из-за ее дара, порой казавшегося проклятьем. Способности целителя считались редкостью. Вокруг никого похожего на нее, не у кого спросить совета, научиться. Как не сгорать изнутри, отдавая свою силу?

Отец — простой кузнец с руками, изъеденными раскаленным металлом, — не мог помочь. Мать... О матери девушка толком ничего не знала. Лишь то, что та погибла, когда Элира не исполнилось еще и трех лет. Расспрашивать отца она не решалась. При упоминании о жене его глаза заволакивала глубокая печаль, он замыкался и подолгу молчал.

Погруженная в тяжелые мысли, Элира чуть не врезалась в

лошадиный круп, когда Таэль неожиданно остановился. Он даже не обернулся, просто бросил через плечо:

— Привал.

Целительница чуть не взвизгнула от радости. Наконец-то! От боли она не чувствовала ног — в ту жуткую ночь выскочила из избы в мягких домашних сапожках. Каждый камешек, каждая ветка впивались в тонкую подошву, оставляя на коже кровавые волдыри. Изорванный подол платья мешал. Элира вообще не помнила, чтобы так много ходила, оттого было еще тяжелее.

Она выпила воды из фляжки кентавра, затолкала в рот куски лепешки и вяленого мяса, но не почувствовала вкуса.

Отдохнуть не удалось. Едва девушка перевела дух, Таэль уже поднялся, собрал вещи и двинулся дальше. Элира промолчала, подавив стон. Лес и кентавр пугали ее больше усталости и боли.

Но еще через пару часов силы покинули ослабленное тело окончательно. Элира в изнеможении опустилась прямо на сырой мох. Над ней нависла тень. Таэль смотрел сверху, его лицо оставалось нечитаемым. Он раздраженно вдохнул, звук напомнил далекий раскат грома.

— Я успел позабыть, какие вы, люди... хрупкие, — произнес Таэль, кидая на землю мешки. — И медлительные. Дорога займет куда больше времени, чем я думал.

Он ловко развел костер, будто делал это каждый день. Хотя, кто знает, может, и делал. Элира не ведала, как кентавры

живут в лесу. Возможно, они не строят домов, коротая вечера у открытого огня.

Девушка заползла на расстеленную шкуру, с облегчением сдирая сапоги. Лопнувшие мозоли кровоточили, заставляя морщиться.

— Почему не исцелишь себя? — с недоумением спросил кентавр.

— Не получится, — вздохнула Элира, стискивая зубы. — Дар работает только на других. Чужую боль я могу облегчить, а свою приходится терпеть.

Таэль хмыкнул — первый звук, отдаленно напоминающий эмоцию.

— Нелепо. Неподалеку есть поселение дриад. Завтра навестим их, разживемся новой обувью для тебя. И, если повезет, подходящей одеждой.

Странно. Откуда у древесных дев человеческая обувь? Но на вопросы не осталось сил. Тепло костра, тяжесть в теле и глубокая, всепоглощающая усталость накрыли с головой. Сознание уплыло в темные воды сна почти мгновенно.

* * *

Девчонка уснула, свернувшись калачиком, как испуганный зверек. Огонь освещал бледное, запачканное грязью лицо. Неестественно-белая прядь, которую она так тщательно скрывала, выбилась из-за уха и лежала на щеке.

«Просто девчонка, — подумал Таэль беззлобно. — Может сломаться от одного дуновения ветра».

Но в этом тщедушном тельце горела искра чего-то невероятного! Дар чистого целительства. Не искаженный алхимией людей, не вымученный ритуалами темных фей, а природный, настоящий! Необузданный, как лесной пожар, сжигающий самого поджигателя.

Элира думала, что Таэль презирает ее. Но такой силы он не видел уже целый век. А ее беда, пожалуй, похлеще его собственной. Потерять всех. Стать мишенью. Искать убежище там, куда не ступала нога твоих соплеменников. Бежать без оглядки. Он понимал эти чувства, знал их вкус — вкус пепла и бесповоротности.

Рука невольно потянулась к груди, к шраму-клейму, спрятанному под жилетом, — цене его ошибки.

Таэль спас девчонку потому, что так хотел лес. Но теперь начал догадываться, что все не зря. Она могла стать ключом к исцелению Роши.

Он пока не знал ответа на вопрос, который боялся произнести вслух: «Можно ли спасти то, что считалось безнадежно оскверненным, не принося новых жертв?». Поэтому еще не послал весточку в клан. Пусть их шпионы, чье незримое присутствие ощущалось уже второй день, строят догадки. Он вел свою игру — рискованную, почти безумную.

Таэль подкинул в костер дров. Ночь в Чернолесье — опасное время, способное обернуться кошмаром для случайного

путника. Но он знал, что они в безопасности: пока Элира с ним, пока лес наблюдает за ними с пристальным вниманием. И пока те, кто притаился в чаще, не вмешиваются.

«Выпись, человечка, — мысленно сказал он. — Завтра ты увидишь, что не все в этом лесу хочет тебя съесть. Некоторые могут даже помочь. Если, конечно, мы сможем заплатить их цену».

А его собственная цена уже предreshена. Он подождет, понаблюдает. Убедится, что ее сила достаточно велика, что она сможет выдержать. Таэль вел ее не к выходу. Если все сложится удачно, он приведет Элиру туда, где ее дар нужен как никогда.

Кентавр откинулся набок, прижал удлиненное ухо к земле, ловя далекие вибрации леса. Ночь шуршала, скрипела, пела свои древние песни. И в этой песне для умеющего слушать читался четкий ритм — ритм осторожных шагов по мху и приглушенного ржания за несколько верст от места их ночевки.

Таэль слушал. Страж и пленник собственного плана.

Глава 4

Утром путешествие продолжилось. Зевающая Элира плелась за Таэлем, не разбирая дороги. Но неожиданно лес начал меняться. Глухой, давящий гул тишины разбавился новыми звуками — похожим на колокольчики звоном, смехом, шуршанием и бренчанием. Воздух, до этого пахнувший сыростью и хвоей, наполнился ароматами пыльной парчи, воска и жженого сахара.

— Веди себя тихо и ничего не трогай, — бросил кентавр через плечо. — Иначе они не отвяжутся, пока что-то не купим.

Элира лишь кивнула, будто не слыша. Она вертела головой по сторонам.

Деревья теперь стояли реже, их стволы украсили: на ветвях висели гирлянды из янтарных бус, на коре, будто на манекенах, накинуты шали и ленты, а у корней лежали груды сверкающей мелочи — запонки, броши, часы с остановившимися стрелками.

Они вышли на середину поляны. Элира от удивления даже раскрыла рот.

Настоящая стихийная ярмарка забытых сокровищ! Меж деревьев растянуты веревки, увешанные платьями — от деревенских сарафанов до роскошных бальных, с кринолинами. Прямо на мхе лежали ворохи ковров с причудливыми

узорами, громоздились горы обуви: изящные туфельки, грубые сапоги, лакированные ботиночки. Зеркала всех форм и размеров, от крошечных ручных, до треснувших овальных, висели на стволах, отражая и без того пеструю картину тысячью искорками.

И повсюду сновали они. Дриады. Кожа отливала всеми оттенками коры — от светлого ясеня до темного дуба, волосы были сплетением живых ветвей, лент и нитей жемчуга. Они щебетали, примеряли браслеты, кружились в разноцветных юбках. Их смех звучал, как шелест листьев на ветру.

Элира почувствовала себя внезапно прозревшей слепой.

«Так вот, где живет магия, — пронеслась в голове мысль. — Не тихая и мудрая, а веселая, беспорядочная, жадно впитывающая в себя весь блеск внешнего мира».

— Ты не встречала раньше дриад? — спросил Таэль.

— Одну. Меланья, она учила детей в нашей деревне. И собирала книги, — пролепетала Элира, рассматривая дриаду, примеряющую сразу три шляпы. — Но я думала, что она — исключение, что жизнь среди людей изменила ее. Я представляла лесных дриад... Молчаливыми. Как деревья.

— Деревья тоже не молчат, если уметь слушать, — заметил кентавр с едва уловимой усмешкой. — Все древесные девы склоны... к коллекционированию. Ваша Меланья собирала книги, что и правда редкость для представительниц ее народа. Чаше они собирают всякие бабьи штучки — что шуршит и блестит. И добывают это не совсем законным спо-

собом. Не отставай.

Потрясенная Элира молча пошла за Таэлем. Она знала, что дриады могут перемещаться по всему миру, путешествуя сквозь деревья. Буквально выскочить из любого ствола или куста. Но не представляла, что они используют эту способность таким образом — для добычи ценных, по их мнению, артефактов.

Они шли через пестрый хаос, словно вспахивая цветочный луг. Дриады затихали, с любопытством взирая на кентавра. Их пальцы, похожие на тонкие прутьики, так и тянулись к его нательным мешкам.

Таэль остановился у старого вяза, увешанного стройными рядами фарфоровых чашечек, привязанных за ручки. Возле дерева, на кресле из сплетенных корней и подушек, сидела дриада. «Волосы» заплетены в косу, украшенную золотистыми нитями, живыми цветами и перьями. На ней было не платье, а невообразимый наряд: кружевная пелерина, кожаный корсаж и шелковые шаровары, на каждом пальце блестело по несколько колец.

— Таэль, — пропела дриада. — Ледяной страж на моем пороге! Ты привел... человека?

Взгляд пронзительно-зеленых глаз изучающее скользил по Элире. В нем зажегся азарт.

— Мир тебе, Иви. Нам нужна помощь, — кивнул кентавр. Иви засуетилась, повела гостей в беседку — живой навес из сплетенных ветвей. Внутри стоял стол, вырезанный из

огромного пня, и накрытый золотой скатертью. Элира присела на табурет с шелковой накидкой. Она чувствовала себя странно: грязная, с растрепанными волосами, в испорченной одежде среди этого царства сумасшедшей роскоши. Конский круп и оружие Таэля сюрреалистично смотрелись рядом с гирляндами из бисера.

Дриада принесла чай, разлив его по чашечкам из тончайшего фарфора. Искусная работа — сервис буквально светился. Не иначе, как бесследно исчез с вечернего столика какой-нибудь герцогини.

Таэль кратко изложил суть: нападение на деревню, бегство, необходимость дойти до ближайшего людского поселения, нужна практичная одежда и обувь.

— О, дитя мое! — воскликнула Иви, хлопнув в ладоши, отчего многочисленные браслеты на ее руках зазвенели. — У Иви все есть! Все для прекрасной, потерявшейся птички!

А дальше началось безумие. Дриада носилась как вихрь, выуживая из тайников в дуплах, из-под корней вяза горы рядов. Сначала появился нелепый сарафан в розовый горошек — «для деревенской ярмарки!», а следом тяжелое бархатное платье с корсетом — «для бала в лунную ночь!». К ним шли лакированные туфельки на высоких каблуках.

Элира, покраснев, отнекивалась. Таэль молчал, будто ждал, пока энергичная Иви подрастеряет свой пыл, наиграется. Наконец, даже он, казалось, устал от суеты.

— Она будет идти по лесу две недели. Через топи и буре-

лом. Балов не предвидится.

Дриада на секунду задумалась, ее лиственные брови поползли вверх.

— Ааа... Практичность! — прошептала она, словно вспоминая забытое слово, и скрылась в кустах. Вернулась с тем, что Элира никогда не носила — женским охотничьим костюмом. Мягкие, но прочные замшевые штаны цвета лесной земли, и такая же куртка, приталенная в талии, с множеством карманов. В другой руке Иви держала крепкие сапожки на толстой подошве.

Элира смутилась, хотела протестовать. В ее деревне штанов никто из женщин не носил. Она знала, что знатные леди охотятся верхом в таком обмундировании, даже видела один рисунок в книге Меланьи. Но примерить не решалась.

— Завтра мы выйдем к Большой топи. Если хочешь пойти на корм болотным гадам, запутавшись в юбках — твое право, — снисходительно заметил Таэль.

Дриада подтолкнула ее к ширме, скрытой развивающимися платками, и прошмыгнула следом.

Сбрасывая пропахшее потом и кровью платье, Элира слушала, как поет Иви. Она уже разложила на деревянной полочке гребни и ленты — вероятно, собиралась привести волосы девушки в порядок.

— Он смотрит на тебя, дитя, знаешь ли, — неожиданно заявила Иви. Ее пальцы шустро заплетали волосы Элиры в толстую косу, закручивали ее в низкий узел на затылке. —

Ледяной страж.

— Таэль? — воскликнула целительница. — Он только хмурится, торопится. И молчит.

— У него на то есть причины, птенчик, — мягко сказала Иви. — Мы знакомы давно. И крест свой он несет так долго, что сам уже стал, как мертвая деревяшка. Оттого я и зову этого кентавра Ледяным Стражем — его сердце покрыл лед. Он холоден и высокомерен, не спору. Но любой лед можно растопить, если приложить усилия. И, раз Таэль взял тебя под свою защиту, значит, увидел в тебе искру, — она ловко заколола косу серебряными шпильками, украденными, вероятно, из чьего-то будуара.

Дриада вышла, оставив Элиру любоваться отражением. Костюм ей невероятно шел, подчеркивая стройный девичий стан.

Выйдя из-за ширмы, она застала Иви, задумчиво разглядывавшей ее старое платье. Пальцы — не прутики, а вполне человеческие — с интересом прощупывали вышитый на подоле узор.

— Откуда это, птишка? — дриада больше не виделась легкомысленной. Лицо испещрили морщинки: брови сдвинулись, а миленький курносый нос сжался.

Иви явно удивилась. А Элира впервые задумалась над тем, сколько же древесной деве лет на самом деле.

— Это в память о матери. Я не знала ее. Все, что осталось — эти символы, вышитые на моем детском одеяльце. Я ста-

ралась их повторить, но, вероятно, получилось не очень. Не знаю, что они означают... Просто, чтобы чувствовать связь с ней.

Иви долго смотрела на узор, пока наконец не подняла глаза. В них мелькнуло что-то сложное — узнавание, печаль, предостережение? Но она лишь улыбнулась, и маска веселой собирательницы вмиг вернулась на место. С губ Элиры уже почти сорвался вопрос, но рядом замаячила тень — прошел Таэль.

Взгляд скользнул по девушке. По ее фигуре, прежде скрытой мешковатым домашним платьем, а сейчас красиво подчеркнутой новым костюмом. По аккуратно убранным волосам, открывающим тонкую шею и то самое седое пятно на виске, которое сейчас отчетливо выделялось.

Кентавр на мгновение оцепенел. Густые брови чуть приподнялись, выдавая удивление. Он знал ее только, как перепачканную, испуганную девчонку в рванье. Теперь же перед ним стояла девушка в аккуратном костюме. Это длилось всего секунду, но Элира заметила его смятение.

— Готова? — спросил Таэль своим обычным, ровным тоном.

— Да.

Кентавр кивнул притихшей Иви. Его лицо не выражало никаких эмоций, но в этом крошечном действии ощущалось уважение.

— Мы в долгу. Назови свою цену.

— Всему есть цена, Ледяной Страж. Пойдем, — дриада перестала улыбаться. Ее веселые птичьи глазки потемнели.

Она вела их сквозь пестрый хаос своего царства, к самому сердцу деревни. Там, на утоптанной поляне, стояло дерево.

Оно отличалось от других деревьев в поселении. Не раскрашено, не обвешано безделушками. Огромное, старое, его ствол запросто мог сойти за колонну какого-то храма забытых богов.

Но дерево болело. Кора покрылась наростами, похожими на струпья. Ветви разохлись и истончились. Листья, те немногие, что остались, пожелтели и скрючились. От него веяло не силой, а тихой агонией, похожей на ту, что Элира ощущала в умирающем отце.

— Наше Дерево Силы, — грустно прошептала дриада. — Оно питает нас, связывает с лесом. И оно умирает, а мы не знаем почему.

Вокруг собирались древесные девы. Их яркие наряды и блеск украшений виделись теперь жалким, наигранным фарсом на фоне всеобщей беды. Они с надеждой смотрели на Элиру.

— Я чувствую в тебе древний дар, — дриада повернулась к девушке. — Не бесполезное человеческое знахарство, нет. Нечто иное. Взгляни, прошу.

Элира почувствовала, как подкашиваются ноги.

— Я не умею лечить деревья. Я исцеляла людей, животных... Я просто отдаю им часть себя. Но эта сила вряд ли

подойдет.

— Все живое питает одна сила, пташка, — слова дриады больше не звучали, как пустая болтовня. — Камень слышит, ручей поет, а дерево хранит память о каждом своем листке. Не нужно отдавать. Нужно помочь ему вспомнить. Вспомнить, каким оно было: сильным, с пышной листвой и бегущим под корой соком. Помоги ему, воссоздай этот образ.

Элира колебалась. Шепот дриад, полный надежды, давил. Сотни горящих глаз, казалось, сейчас прожгут дыры в ее новом костюме. Это сбивало с толку, заставляло усомниться в своих силах.

«Я не справлюсь. Подведу их, не оправдаю доверия» — червячок сомнения терзал изнутри, заставив мучительно зажмуриться. Хотелось сорваться с места и убежать. Лучше мешать болотную грязь, чем собственноручно лишить надежды этих удивительных созданий.

Неожиданно на плечо легла тяжелая, теплая ладонь. Таэль наклонился так низко, что его губы застыли в сантиметре от ее уха.

— Доверься дриаде. Это твой первый настоящий урок. Ты сильнее своего страха. Он уйдет, стоит только как следует захотеть. Сделай это не для них, а для себя. Чтобы начать понимать свой дар. Но, клянусь, если ты снова попытаешься отдать всю себя без остатка, я выдерну тебя отсюда, как брюкву с грядки. Закину на круп, и весь оставшийся путь ты проведешь вверх тормашками, пока я галопом буду нестись

к ближайшей человеческой деревне.

Его пальцы сжали плечо. Не больно, а утверждающе. Таэль что-то шепнул Иви, и толпа дриад растворилась, как по мановению руки. На поляне осталась лишь целительница. Топот копыт кентавра отозвался вибрацией в теле, давая понять — все ушли, чтобы не мешать.

Элира глубоко вдохнула. Запах умирающего дерева — сладковатый, гнилостный — заполнил легкие. Она опустилась на колени перед исполином и прижала к стволу ладони.

Вспомнить...

Девушка прикрыла глаза. Преодолеть желание привычно поделиться собственной силой непросто. Она попыталась прислушаться к ощущениям.

Пальцы чувствовали лишь холодную шершавость коры. Но потом сквозь нее начал пробиваться слабый, неровный ритм, похожий на сбивчивое сердцебиение. Так ощущалась ускользающая жизнь Древа.

Элира попыталась представить каким оно было. Не думала, просто позволила воображению работать: здоровое дерево, мощные, гибкие ветви, тянущиеся к солнцу; густая, изумрудно-зеленая листва, что шелестит на ветру; сок, бегущий внутри ствола. Радость роста. Счастье после дождя. Покой зимнего сна.

Она не передала этот образ с потоком собственной магии. А просто показывала, будто подносила зеркало к дереву, пробуждала его память. Дар, всегда стремящийся нару-

жу, теперь стал проводником между реальностью и возможностью.

Кора под ладонями дрогнула. Послышался глухой звук, словно треснула скорлупа ореха.

Элира открыла глаза. Руки не окутывало сиянием, как прежде, во время целительства. Но дерево... Откуда-то изнутри, из самой его сердцевины, начал пробиваться тусклый золотисто-зеленый свет. Он струился по трещинам в коре, окутывал серые наросты.

Целительница прислушалась к собственным ощущениям. Чувства истощения нет, скорее напряженность, сосредоточенность. Это требовало усилий, но не высасывало жизнь. Будто она управляла теперь не своей, а чуждой, мощной силой — силой самого леса, что лишь нужно направить.

Прошло несколько минут. Свет угас. Элира отняла дрожащие руки.

Чуда не произошло. Дерево не расцвело, не сбросило ядовитые наросты. Но на одной из высохших ветвей внезапно лопнула почка, выпустив пару крошечных нежно-зеленых листочков. А у подножья ствола, из трещины в земле пробился хрупкий, упрямый росток.

Это не исцеление. Но то, что сделала Элира, стало началом чего-то нового. Доказательством того, что болезнь не всесильна.

Тишину пререзал тихий вздох. Дриады вышли из укрытий. Они не бросались к целительнице с объятьями, не кри-

чали от радости. Просто стояли и смотрели на дерево, на свое святилище, в котором вновь затеплилась жизнь.

А потом по одной подходили к Элире. Они клали к ее ногам то ценное, что было у них в тот момент: горсть сверкающих бусин, шелковую ленту, миниатюрное зеркальце в перламутровой оправе. Их глаза сияли благодарностью и... надеждой.

Иви подошла последней. Она не клала ничего, лишь крепко обняла Элиру, обдав ароматом древесной смолы и пыли с чужих чердаков.

— Твой дар — не клинок и не щит, — прошептала она на ухо девушке. — Он — зеркало, показывающее миру истинное, здоровое, полное жизни. Ты обязательно поймешь, как управлять им, не нанося себе вреда. Найди того, кто научит, а лес поможет тебе. Ты уже на пути к ответам на все вопросы.

Дриада кивком указала на край поляны, где ждал невозмутимый Таэль. Когда Элира, все еще потрясенная, с новым, необъяснимым чувством легкости в груди, подошла к кентавру, он внимательно осмотрел ее руки и лицо. Не найдя в них болезненной бледности, одобрительно хмыкнул.

— Ну?

— Я... Не устала! — выдохнула девушка, осматривая свои ладони. — Не понимаю, как так вышло, но это сработало. По-другому, непривычно.

— Значит, ты способна научиться. Это все, что сейчас нужно знать, — констатировал Таэль. — Мы уходим.

Они вновь углубились в чашу, оставив позади островок цвета, печали и зародившихся надежд.

Новые сапожки легко пружинили о влажную землю. Костюм был удобным, больше не нужно путаться в драной юбке, не мелькали перед глазами следы крови отца.

Но Элира даже не заметила, что путешествие стало комфортнее. В голове роились мысли. Хотелось спросить, поделиться, узнать мнение. Но ее единственный попутчик — хмурый кентавр, чье лицо не располагало к беседе. Поэтому главный вопрос, терзавший девушку, так и остался без ответа: если она смогла помочь дереву, просто показав ему воображаемую картинку, на что еще способен ее дар?

* * *

Таэль шел впереди, и его мысли были куда мрачнее. Она сделала это. Без самопожертвования, без вреда для себя. Значит, его надежда — не пустое. Это не случайность, а прорыв, что менял все.

Пока девчонка вела немой диалог с больным Древом, кентавр успел переговорить с Иви. Они знакомы не один десяток лет. И ему прекрасно известно: под маской болтливой любительницы фарфора скрывается вековая мудрость — сколько лет дриаде не знал никто.

— Это чудо, Ледяной Страж! Где ты ее откопал? — шептала Иви. Никакой игривости, лишь острый интерес учено-

го, наткнувшегося на ценный экземпляр.

— Лес подкинул, — буркнул он.

— Это не случайность, друг мой! Я давно не нюхала такой магии — чистый источник, но спящий и искаженный невежеством.

— Она не владеет даром. Он сожжет ее изнутри, пока она будет тыкаться, как слепая кобылица.

— Пока не владеет, Таэль. Она здесь не просто так. Лес подскажет, научит, укажет путь. Ты сам, изгнанник, лучше других знаешь его прихоти.

Кентавр молчал, Иви же в нетерпении продолжила.

— Видел узоры на ее тряпке?

— Да. Похоже на фейские руны.

— Так и есть. Фейская работа, Знак Тишины. Девочка сказала, что лишь повторяла узор, вышитый ее умершей матерью на детских вещичках. Копировала неумело, но суть передала. Это оберег слияния и сокрытия. Не для украшения, такое плетут только при Дворе, да и не каждый мастер возьмется. Твоя потерянная птаха, Таэль, вылупилась не в том гнезде.

— Отлично. Все стало еще запутаннее, — пробормотал кентавр. В голосе сквозила усталость, которую он никогда не посмел бы показать при Элире.

— Лес все расставит по своим местам. Но что бы ты не задумал — не спеши. Все может быть не тем, чем кажется.

Все и так не то, чем кажется. Человеческая оборванка гро-

зится стать большой проблемой. Кто она? Фейская принцесса в изгнании? Скрытое последствие запретного союза? Каждая версия делала Элиру еще ценнее. И в тысячу раз уязвимее. Теперь им в спину будут дышать не только его соплеменники, но и, возможно, кто-то гораздо опаснее. По лесным тропам слухи расползаются удивительно быстро, ведь здесь даже у камней есть уши.

Глава 5

Прошло уже три дня с тех пор, как вынужденные попутчики покинули поселение дриад. Элира ощущала, что тишина между ними стала невыносимой. Таэль шел впереди, его спина, обычно прямая, теперь ссутулилась, будто под невидимым грузом. Уши были прижаты, а взгляд то и дело устремлялся вдаль, высматривая что-то меж деревьев. Он погрузился в себя. Это беспокоило даже больше, чем его уже привычная холодность.

Лес снова пугал. Исчезли краски, вокруг вновь царил сумрак. Веселое щебетание древесных дев сменилось таинственным скрежетом, шуршанием, приглушенными, словно доносящимися через вату. Больше не пахло сладостями, цветочными венками и залежавшимися платьями, лишь сыростью почвы и гниющей листвой под ногами.

Элира шла, уставившись в спину кентавра. Отстала всего на пару шагов, засмотревшись на причудливый гриб, когда из темноты вдруг выскочило какое-то существо. Крошечное, размером с ладошку, тело покрывал нежный пушок фиалкового цвета. Два огромных черных глаза, влажные как капли росы, смотрели с мольбой. Оно едва слышно пищало, протягивая ручки. Одну неестественно вывернуло.

Девушка ощутила знакомый импульс боли.

«Такой маленький!» — пронеслось в голове. — Ему и нуж-

на-то всего капелька! С меня не убудет».

Рука потянулась вперед, чтобы подхватить малыша. Пальцы почти коснулись дрожащего тельца, чтобы забрать боль, отдать взамен крупинку своей силы.

Тяжелое копыто опустилось между ее ладонью и существом, вонзившись в землю с глухим звуком. Пушистик взвизгнул, но уже не жалобно, а пронзительно-резко, и метнулся в заросли.

Элира отпрянула.

— Зачем? — обиженно вскрикнула она. — Ему больно, он...

— Искал, кем бы поужинать, — Таэль не злился, даже не переменялся в лице, лишь смотрел в сторону, где скрылось существо. — Это слезосос. Отравляет прикосновением. Один миг нежности, жалости — и твои мышцы онемеют быстрее, чем ты успеешь сообразить. А его сородичи выскочат из-под каждого листа. И начнут трапезу с твоих еще теплых глаз.

По спине Элиры пробежала струйка холодного пота. Она сжимала и разжимала онемевшие пальцы. Только что они едва не коснулись чудовища.

— Я не знала...

— В лесу не нужно знать. В лесу нужно чувствовать, — ответил Таэль. — Ты чувствовала его боль?

— Да, конечно! Очень ярко!

— А его страх? Безысходность?

Целительница задумчиво перебирала в памяти ощущения: отчаянная просьба о помощи, острая боль, но больше ничего.

— Нет, — наконец призналась она. — Только то, что он хотел мне показать?

Короткий одобрителный кивок.

— Этому можно научиться? Чувствовать лес и других существ?

— Можно. Я знал людей, чье чутье острее, чем у рожденных в чаще. Для них шепот ручья — это повесть, а узор мха на камне — карта.

— Людей? — Элира вытаращилась на кентавра так, будто видела его впервые. — Но... Я думала, в Чернолесье нет людей! Что они здесь не выживают!

И тогда Таэль рассмеялся. Впервые за все время их знакомства. Звук был низким, хриловатым, будто нечаянным, оттого звучащий еще более искренне. Лицо на секунду преобразилось, маска скупающего безразличия треснула.

— Думаешь, ты первая, кому лес предложил убежище? Нет. Веками сюда приходили те, кому нет места среди сородичей. Беглецы, отступники, те, кто попал в беду. И те, в ком магия пела слишком громко для человеческих ушей. Если лес признавал их, он разрешал остаться.

— И где же они все? Эти люди? — Элира озиралась, словно ожидая увидеть меж сосен дымок костров, услышать смех.

— Лес больше, чем ты думаешь, — Таэль снова стал серьезным, улыбка исчезла без следа. — Здесь есть множество поселений. Некоторые — обособленные, где живут только представители одной расы. Например, деревня дриад. Но есть и такие, где бок о бок существуют волшебный народ и люди. Где банши торгуются с гремлинами за блестяшки, а человеческая знахарка лечит крыло гиппогрифа.

Кентавр замолчал. Словно колебался, стоит ли приоткрывать чужачке завесу тайны. Но в конце концов решился.

— Ваш мир отторгает волшебный народ. Все, что связано с магией, считается чуждым, противоестественным. А наш... Он может стать домом для любого, кого примет лес. И если лес посчитает человека достойным, то таким его будут считать и все обитатели. Разумные, конечно, а не те, кто рассматривает тебя как обед.

Услышанное ошеломило Элиру. То, что твердили ей с детства — что лес опасен, оттуда никто не выходил живым, — ложь. Несомненно, здесь много тех, кто не прочь полакомиться человечинной. Но волшебный народ настроен не так уж воинственно, они могли принять человека, подарить ему новый дом.

Девушка никогда не думала о таком. Но сейчас... Всего на мгновение она представила, каково это — жить среди волшебного народа. В мире, полном магии. Там, где ее, возможно, смогут научить пользоваться даром без вреда для себя.

— А ты? — спросила она, не думая. — Живешь в таком

поселении... со всеми?

Диалог, всего минуту назад казавшийся живым, вдруг прервался. Перемена была мгновенной, будто Элира спросила о чем-то запретном. Лицо Таэля снова стало непроницаемым, напрочь лишенным эмоций. Он развернулся и продолжил путь, бросив через плечо:

— Я не живу нигде.

Они замолчали. Молчание давило, между ними словно выросла стена.

Кентавр и девушка пробирались через бурелом. Но теперь она не смотрела под ноги, а сверлила взглядом широкую спину, обтянутую кожаным жилетом. И впервые задала себе вопрос: «Кто он на самом деле? Что с ним произошло?»

* * *

Вскоре пугающие звуки леса сменились далеким гулом, похожим на ворчание великана. Элира насторожилась, но Таэль лишь мотнул головой.

— Впереди река.

Они вышли из чащи, и Элира невольно остановилась, ослепленная. После вечного сумрака солнечный свет, пробивающийся сквозь разомкнувшиеся кроны вековых сосен, виделся жидким золотом. Он играл на поверхности узкой лесной реки, разбиваясь на тысячи сверкающих бликов. Даже дышалось легче — в воздухе слышались ароматы хвои,

чистоты и мокрого камня. Песчаный берег под подошвой сапог казался теплым.

— Мы здесь до завтра, — объявил Таэль. — Вода чистая, можешь освежиться.

Кентавр отвернулся и начал снимать поклажу, давая девушке возможность уединиться. Она кинулась к воде, чуть не завизжав от восторга.

Новый костюм давно покрыла пыль, кожа зудела, а волосы слиплись так, что их сложно расчесать даже гребнем, что подарили дриады.

Прохладная вода приняла в свои объятья, заставив зажмуриться от наслаждения. Элира смывала грязь тропы, запах страха и дыма ночных костров. Настроение поднималось, усталость отступала. И тогда она увидела их.

Целая стайка серебристых рыб кружила на мелководье, их спинки переливались перламутром в солнечных лучах. Еда! Не подсохшие лепешки и вяленое мясо, что они ели последние несколько дней, а свежая, вкусная!

Бездумно, на волне чистого восторга, Элира бросилась вперед, пытаясь поймать скользкие тельца руками. Брызги летели во все стороны, рыба легко уворачивалась, а она, хоча и сплевывая воду, не прекращала попыток.

Таэль, притаившись за сосновым стволом, наблюдал.

Вначале — лишь оценивающе, отмечая неуклюжесть и шум. Но затем внутри него что-то дрогнуло. Девчонка ловила рыбу с отчаянием маленького медвежонка, охваченная

азартом, вся в солнечных зайчиках, совершенно неумелая. И от этого зрелища в груди кентавра потеплело.

Мокрая ткань рубашки облепила хрупкие плечи, подчеркнула тонкую талию и угловатые бедра. Влажные волосы струились до пояса, и каждая капля, скатывающаяся с кончиков, сверкала на солнце, как алмаз. Лицо сияло. Ее радовали простые вещи: холодная вода и лучи света. В это мгновение с Элиры будто слетела скорлупа вечного страха, настороженности, горя. Она была просто молодой женщиной, такой настоящей, живой и... привлекательной.

Мысль ударила, как обухом по голове.

«Привлекательной?». Таэль резко отвернулся, почувствовав, как по телу разливается давно забытый жар. Пальцы невольно вцепились в кору, оставляя на ней вмятины.

«Совсем рехнулся? Она — лишь инструмент. Средство для искупления, шанс на спасение, а не...»

Но запретная мысль уже пустила корни. Когда кентавр снова взглянул в сторону реки, он не смог не признать: Элира красива.

Таэль сдавленно фыркнул — звук, полный раздражения на самого себя. Он оттолкнулся от дерева и спустился к реке, к этой нелепой, шумной, странно притягательной девчонке, которая одним своим смехом грозила обрушить все его тщательно продуманные планы.

— Ты распугаешь всю рыбу в округе, — сказал он, входя в воду. — Не хватай сразу.

Кентавр стоял неподвижно, огромная тень упала на песчаный берег. Затем он медленно опустил руки в воду, ладонями вверх, и замер. Элира, затаив дыхание, повторила движение. Кожа заныла от холода.

— Жди. Чувствуй течение, — прошептал Таэль.

И девушка ждала. Несколько минут, хотя зубы уже начали постукивать. Но они все же пришли: первая рыба, любопытная, пучеглазая, коснулась ее пальцев прохладным боком. Она взглянула на Таэля, он кивнул.

Их руки взметнулись одновременно. Элиры — суетливо, дрожа. Кентавра — плавно, годами отточенным рывком. Его ладонь выскользнула из воды, зажимая трепещущую добычу. Она промахнулась.

Но в следующую секунду Таэль перехватил ее запястье, мягко направляя.

— Вот так. Чуть выше, не спеши.

В этот момент она ощутила все: шершавую, покрытую старыми шрамами и мозолями кожу его ладони, скрытую под ней железную силу мышц, и невероятное тепло. От прикосновения по спине пробежали мурашки. Элира повернулась и увидела, что Таэль улыбается.

— Получилось, — прошептала она, когда пальцы сомкнулись вокруг извивающейся рыбины.

Он выпустил ее запястье, но ощущение тепла осталось, как отпечаток на коже.

Улов запекли в глине на углях. Нежное мясо пахло дым-

ком и диким укропом, найденным Элирой на берегу. Сок был жирным, а хрустящая корочка таяла во рту. Они ели молча, но это молчание больше не угнетало. Оно дарило спокойствие. Девушка украдкой наблюдала, как блики огня играют на суровом лице кентавра, смягчая его. Как он аккуратно обглаживает кости — с достоинством хищника, знающего цену добыче.

Элира заснула, свернувшись под одеялом на звериной шкуре. С приятной тяжестью в животе и малознакомым чувством безопасности, согревающим изнутри.

Но ночью пришел кошмар.

Не образы, а ощущения: липкая теплая кровь на руках, запах гари, разъедающий легкие, и звенящая тишина после последнего хрипа отца. Во сне она снова пыталась вдохнуть в него жизнь, выжигая себя дотла, чувствуя, как ускользает его душа. Но он все холодел, превращаясь в безжизненную куклу в ее руках.

Не смогла. Не спасла.

— Нет... папа, нет, — стон прорезал тишину ночи. Элира металась, пытаясь вынырнуть из плена памяти.

* * *

Таэль, сидевший у костра, повернул голову. Настороженный взгляд следил за дрожащим женским телом. Внутри что-то сжалось, к горлу подступил ком.

«Не твое дело», — прошипел внутренний голос.

«Она не инструмент. Она — девушка, у которой отняли самое дорогое», — возразил другой, тише, но тверже.

Кентавр видел, как по ее щекам текут слезы, блестящие в свете огня.

Чертыхаясь про себя, он все же поднялся. Подошел и преклонил передние ноги, опускаясь на колени. Медленно, боясь разбудить, Таэль обвил трясущиеся девичьи плечи кольцом своих рук. Рядом с ней он казался огромным, а тело излучало жар, будто печь.

— Тихо, — пробормотал он. — Это лишь сон. Ты в безопасности.

Дрожь ослабла. Элира неосознанно потянулась к источнику тепла, уткнувшись лицом в его ребра. Дыхание выровнялось. Таэль, перехватив ее поудобнее, почувствовал, как тело обмякло, вновь погружаясь в глубокий сон.

Он попытался осторожно освободиться, чтобы вернуться на свой пост. Уже убрал руку, когда холодные пальцы вцепились в его запястье. Элира не проснулась, это лишь инстинкт — быть ближе к тому, кто сможет ее защитить, к кому-то большому и сильному.

Он мог бы опустить ее, разжать пальцы. Должен. Но... не хотел.

С тихим вздохом Таэль сдался. Осторожно устроился на краешке шкуры рядом с ней, завалившись на бок. Поза неудобная, но он боялся разбудить Элиру, поэтому почти не

двигался. Она, будто издеваясь, бессознательно придвинулась еще ближе, спиной прижимаясь к месту, где человеческий торс переходил в конский круп.

Кентавр лежал, глядя на потухающие звезды сквозь разрывы в колючих кронах сосен. Он ощущал легкость ее тела и невероятную тяжесть своего выбора. Рука, которую обнимала Элира, горела — он был пленником. Но впервые за долгие десятилетия изгнания чувствовал, что сегодня эта тюрьма из тепла и доверия.

Глава 6

Элиру разбудил запах: дымный, маслянистый аромат, витающий в прохладном утреннем воздухе. В теле чувствовалась расслабленность. Затекавшие от лежания на земле мышцы не ныли. Потянувшись, она выскользнула из-под одеяла и с удивлением поняла, что действительно отдохнула.

Таэль сидел у костра, будто и не ложился вовсе. Он выглядел еще более напряженным, чем обычно. Спина и плечи неестественно прямые.

На камне жарились аппетитные корнеплоды, рядом дымилась рыба.

— Проснулась, — констатировал кентавр, не оборачиваясь. — Как спалось?

Вопрос прозвучал вызывающе резко. Элира нахмурилась, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

— Странно. Хорошо, как никогда с тех пор, как...

— Как попала сюда, — отрубил он, в его тоне слышались металлические нотки. — Ешь, дорога дальняя.

Во время завтрака Таэль ни разу на нее не взглянул. Все его естество излучало ледяную отстраненность. Элира чувствовала себя сбитой с толку. Почему он зол? Что не так? Она вроде бы спала крепко, не просыпалась. Помнилось лишь чувство безмятежности и уютного тепла. За них, отчего-то, было стыдно.

«Он ненавидит это, — вдруг осенило ее. — Ненавидит эту вынужденную опеку. Наше путешествие. Я обуза, глупая человечка, навязанная ему волей леса».

Осознание причиняло боль, будто кто-то ковырял кинжалом незажившую рану. Горячая волна подкатила к горлу, чувство унижения душило. Она больше не могла вынести этого молчаливого презрения ни секунды.

Не дожевав кусок, Элира вскочила.

— Я пойду к реке. Освежусь.

Таэль ничего не ответил, даже не кивнул. Просто сидел, как деревянный истукан.

Это заставило девушку перейти на бег — лишь бы скрыться от леденящего душу безразличия. Хотелось смыть с кожи предательское ощущение необъяснимого остаточного тепла.

Поглощенная обидой, злая, Элира потеряла счет времени. И это было ошибкой. Вокруг стало тихо. Слишком тихо. Лишь натягивая влажный костюм, она осознала: что-то не так. Птицы замолкли, даже ручей притих.

Затем раздался странный звук — не рык и не завывание, а щелчки. Сухие, будто ломались позвонки. Прямо за спиной.

Элира медленно обернулась. Крик застрял в горле, каждый мускул сковал ужас.

Оно стояло совсем близко, в нескольких шагах. Не зверь из плоти и крови — скорее скульптура из ночи и ртути. Ростом с крупного волка, но худое. Тело состояло из переплетающихся, жидких на вид полос серебристого металла и сгу-

щенной тени. Конечности выгнулись под неправильным углом, будто у насекомого. В пасти виднелись игольчатые зубы, с них капала пена. Пустые глазницы пылали багровым пламенем.

На шее чудовища застегнут ошейник. Костяной, вросший в кожу, с эмблемой, кажущейся знакомой — клинок пронзает каплю. Это означало только одно: тварь не просто прогуливалась по лесу и случайно наткнулась на девушку. У нее имелся хозяин.

Ртутный монстр опустил на передние лапы, вокруг клубилась жидкая тень. Он готовился к прыжку и уже оторвался от земли, когда из-за деревьев, словно выпущенная из лука стрела, вылетел Таэль.

Кентавр не кричал, двигаясь почти бесшумно, что при его размерах казалось невозможным. На лице ни капли страха или сомнений, лишь всепоглощающая ярость. Копыто ударило в бок чудовища со звуком, с каким на наковальню опускается молот. Тело твари изогнулось, издав скрежещущий вой, она откатилась, на миг потеряв форму.

Но из тени кустов вышел еще один силуэт. Теперь монстров стало двое.

Бой начался.

Таэль был самой яростью. Он двигался стремительно, как молния. Меч, выхваченный на лету, сверкал в воздухе, оставляя на телах существ глубокие дымящиеся борозды. Но раны не кровоточили — они затягивались прямо на глазах,

лишь слегка замедляя врагов.

Одно из чудищ, изловчившись, метнулось к Элире. Таэль, отбивая атаку второго, рванулся наперехват, подставляя бок. Когтистые лапы вцепились в лошадиную шкуру. Кентавр глухо вскрикнул от боли, алая кровь брызнула на песчаный берег.

Элира закричала. Таэль начал заваливаться. Монстры наступали с обеих сторон.

И в следующий миг мир взорвался.

Над поляной пронеслась какофония абсурдных звуков. В ней смешался звон медных тарелок, рев разъяренного медведя, визг пилы и дикий, потусторонний хохот. Она оглушала, сбивала с толку настолько, что остолбенели даже чудища, хотя у них и ушей-то нет.

Между ними вдруг материализовалось видение из сплетения света и падающих листьев. Гигантская лохматая кошка, размером с лошадь, шипела, скалилась и била лапой, высекая золотые искры.

Твари замешкались. Взгляды метались между реальным врагом и невероятной иллюзией.

С ветки старого дуба, прямо над развернувшимся сражением, свесилась маленькая фигурка — человекообразное существо с короткими, топорщащимися волосами цвета спелой вишни.

— Эй, жидкие! Невежливо нападать вдвоем на одного! Зато теперь шансы равны!

Человечек сидел, болтая босыми ногами. Щелкнул пальцами, и из-под каждого камня, из-за каждого деревца к берегу начали стекаться десятки сверкающих огоньков. Иллюзорные духи-стрекозки кинулись к чудищам, кружа вокруг них хороводы, залетая в ноздри, отвлекая.

Нескольких секунд промедления хватило.

Таэль, стиснув зубы от боли, рубанул мечом в сторону ближайшей зверюги. Но на этот раз он метил не в тело, а в ошейник. Клинок, описав короткую дугу, вонзился точно в центр эмблемы. Раздался сдавленный звук, будто кто-то уронил огромный мешок с мукой. Костяное ожерелье на шее монстра треснуло, свет в пустующих глазницах померк. Тело рассыпалось в пыль.

Второе создание заклокотало, встало на дыбы, готовясь напасть.

Но человек с цветными волосами сделал пас рукой — и с небес рухнула тень огромной хищной птицы. Этого оказалось достаточно: монстр развернулся и тут же растворился в лесных тенях, будто его и не было.

Наступила давящая тишина.

Маленькая фигурка спикировала с дерева, приземляясь на камень у воды. Теперь сомнений не осталось — это пикси. Пикси в коричневом костюмчике, почти таком же, как на самой Элире, но штанишки доставали лишь до середины тоненьких щиколоток. Взьерошенный ежик насыщенно-красных волос, фарфоровая кожа, почти прозрачная, так что

видно каждую венку. Голубые миндалевидные глаза с широким зрачком. Заостренные ушки. Ростом он доставал девушке примерно до колена. Но самым удивительным было наличие крыльев — изящных, похожих на два резных листа ясеня, колыхающихся даже в покое.

Он с любопытством рассматривал Элиру и Таэля, дрожа от избытка эмоций.

— Ох и шуму вы наделали, ребята! — пропел пикси. — Весь лес на уши подняли! Это ж надо: кентавр-изгнанник и человечка со Знаком Тишины! Сенсація, событие года, крадусь за вами от самой деревни дриад!

— Что за Знак Тишины? — взволнованно спросила Элира.

— Закрой рот, пикси, — прошипел Таэль. Он пытался сказать что-то еще, но захрипел, а глаза закатились. Могучее тело вдруг обмякло и осело на песок, поднимая облако пыли.

— Таэль!

Ужас захлестнул девушку с новой силой. Она бросилась к кентавру, опустилась рядом на колени. Рана на боку ужасала: рваная и глубокая, из нее сочилась густая темная кровь.

Нет! Только не он.

Всепоглощающая пустота, что расплзалась внутри, хорошо знакома Элире. Она ощущается, когда теряешь кого-то, кто тебе дорог.

Таэль... Упрямый, неприступный, как скала. Холодный и порой безразличный. Смотрел на нее, как на назойливую

букашку. Но он спас ее. Кормил, защищал. Учил языку леса, делился опытом. Кентавр стал для Элиры кем-то большим, чем просто случайный попутчик. Единственным близким существом, тем, с кем она проводила дни и ночи. Во всем мире сейчас нет никого, кому девушка доверяла бы так, как ему. Он — ее якорь в этом чужом мире.

Глядя на бледное лицо, Элира поняла, что может потерять его.

И тогда она начала представлять здорового, полного сил Таэля. Лоснящуюся шерсть там, где сейчас зияла рана, она переливалась медью в бликах костра. Мощь перекачивающихся мускулов, когда он отчаянно сражался с врагом. Жар его прикосновения, взгляд бездонных темных глаз.

Но отчетливее всего помнился его запах. Не один, а множество ароматов, сплетенных воедино: сухая хвоя дерева, весь день простоявшего под солнцем; глубокая земляная нота — как пахнет свежевспаханное поле после дождя; какая-то горьковатая пряность вроде полыни, дым костра. И, конечно, соленый животный запах его кожи.

Элира вложила все свои силы, все желание, приложив руки к кровоточащей ране. Но ничего не произошло. Не получилось! Новый способ, опробованный на Древе дриад, не сработал с кентавром.

В памяти всплыли слова: «Если еще хоть раз попробуешь отдать всю себя без остатка...»

На чаше весов была жизнь Таэля и ее собственная. Ее пре-

бывание в Чернолесье, возможность научиться управлять своим даром. Простит ли он ее или вернет к людям?

Не задумываясь, целительница рискнула. Глубоко вдохнув, она отпустила контроль. Ее магия, ее собственная жизненная сила хлынули по рукам, стекая в кентавра. Голова закружилась, пальцы вмиг стали холодными. Но плоть под ладонями зашевелилась. Края раны стягивались, сшиваясь нитями новой ткани. Кровотечение остановилось. Порезы затянулись, оставив лишь грубые шрамы. Но и они скоро исчезнут.

Таэль не пришел в себя, но его дыхание выравнилось, щеки порозовели.

Силы покинули Элиру. Она едва успела отползти в сторону, когда ее накрыли волны тошноты и выжигающей пустоты. Снова отдала слишком много.

— Эй! Человечка! — пикси суетился рядом, его голос доносился как сквозь вату. — Держись! Сейчас, сейчас Флик все устроит!

Сквозь пелену слышалась возня: маленькие цепкие ручки что-то таскали. Вскоре плечи девушки заботливо укрыли шкурой, а где-то совсем близко разлилось благословенное тепло разгорающегося костра. Пикси не оставил без внимания даже Таэля, укутав человеческую часть тела одеялом.

— Вот так, — пропыхтел тот, кто назвал себя Фликом, садясь на камень между ними. Его веселость куда-то испарилась, осталась лишь сосредоточенность. — Отдыхайте. А я

пока тут посижу, покараулю. Не бойся, цербер не вернется.
— Ц...цербер? — язык уже плохо слушался Элиру.
— Ну да, бесова псина, шел, видать, по вашему следу.
— Знак... Тишины... Что... — сознание ускользало от девушки.

Пикси наклонился, его большие голубые глаза наполнились печалью.

— Ох, ты и правда ничего не знаешь? Бедная потерянная крошка...

Больше Элира ничего не слышала. Тьма накрыла ее с головой, как тяжелое покрывало, унося в пустоту, где нет боли, страха и вопросов без ответов.

Глава 7

— ...и я говорю. А он такой: «Флик, если ты еще раз!»
Ой! Очухалась!

Прямо перед Элирой, перекрывая вид на пушистые кроны сосен, возникло улыбающееся лицо пикси. Крылья трепетали, разбрасывая в воздухе мельчайшие сверкающие пылинки.

— Ты нас напугала, знаешь ли! На целых полдня вырубилась!

Воспоминания хлынули бурным потоком: холод воды, щелчки за спиной, серебряные клыки, кровь Таэля. Страх и решение, которое может дорого стоить.

Девушка рывком поднялась на локтях, и мир накренился. Голова гудела, будто там поселился рой разгневанных пчел. Она зажмурилась, сглотнула подступившую к горлу тошноту.

— Тише-тише, — запричитал пикси. — Ты неважно выглядишь, дорогуша! Как самочувствие?

— Нормально, — прошептала Элира.

Таэль стоял у потухшего костра. Закатный свет золотил мощную дугу его спины, играл на гладкой шерсти конского крупы. Живой! На боку, еще совсем недавно обезображенном когтями монстра, теперь виднелась лишь бледная полоса новой кожи.

Облегчение затопило сердце целительницы. У нее получилось!

Но это чувство длилось всего мгновение.

Таэль обернулся. Когда его глаза — темные, как лесная почва после дождя — встретились с глазами девушки, в них не было ни тени благодарности. Там бушевала едва сдерживаемая буря. Если бы кентавры могли убивать взглядом, Элира бы уже рассыпалась прахом.

— Тебе нужно собраться как можно скорее. Мы уходим, — отрезал он.

Обычно подобный тон заставлял девушку внутренне сжаться, замолчать, беспрекословно повиноваться. Но теперь все изменилось. Вероятно, сказалось накопленное напряжение.

— Вижу, тебе лучше, — пробормотала она.

— Это не имеет значения, — Таэль преодолел разделяющее их расстояние одним шагом. — Я против. И предупреждаю, что будет, если ты еще хоть раз попробуешь выложиться на полную. Твоя сила — это чистое самоубийство. Взгляни на себя! Ты едва дышишь!

— А ты истекал кровью! — вырвалось у Элиры. Она оттолкнулась от земли и поднялась на дрожащих ногах. Теперь их разделяло всего пара метров. И, хотя кентавр возвышался над ней, прежнего чувства страха не осталось. Лишь жгучее возмущение. — Ты бы умер! Это мой дар, Таэль! Мой! И только я решаю, как им распорядиться! Если захочу отдать

все силы, чтобы спасти тебя, то сделаю это!

Пикси перестал мельтешить.

Лицо кентавра оставалось каменным. Но на виске едва заметно дернулась жилка, а челюсти плотно сомкнулись.

— Зачем? — спросил он шепотом. — Зачем ты это сделала?

Потому что мысль о его смерти сводила с ума. Ведь за несколько дней угрюмый, молчаливый кентавр стал единственной прочной ниточкой, соединяющей ее с реальностью. Но признаться в этом равносильно пытке.

— Потому что ты... — начала она.

Элира видела, как в напряжении замер Таэль, уловив ее внутреннюю борьбу. Он даже слегка наклонился вперед, чтобы ничего не упустить. Но признание застряло в глотке. Вместо него вырвалось нечто практичное и безопасное.

— Потому что только ты можешь вывести меня из леса.

Мгновение кентавр просто смотрел на нее. Он словно учуял ложь, но ничего не ответил.

— Недалеко есть пещера, укроемся там, переведем дух, тебе нужно отдохнуть. Выдвигаемся немедленно, мы должны успеть до темноты.

Лагерь собрали быстро. Пикси, к удивлению Элиры, не улетел. Он деловито порхал вокруг, собирая кружки и миски. Таэль не прогонял его. И даже кивнул, когда тот указал на забытый у дерева мешочек с травами. Видимо, чувство благодарности за спасение перевесило раздражение.

Они углубились в чашу, и параноя накрыла Элиру с новой силой. Лес, в последние дни понемногу раскрывающий свои тайны, снова стал лабиринтом угроз. Каждый хруст под ногой казался слишком громким, а шорох в кустах заставлял нервно озираться. Девушка старалась идти рядом с кентавром и ловила себя на том, что задерживает дыхание, вслушиваясь в полную призрачных звуков тишину.

— Знаешь, а мы ведь так и не познакомились как следует! — пикси завис прямо перед ней, летя задом наперед. — Я — Флик, низший фей, или, как вы, люди, нас называете — пикси.

— Я Элира. Элира Брайер, человек.

— Человек? Как интересно! Впрочем, какая разница, кто ты, главное, что твои намерения чисты! Знавал я одного орка, они же, как водится, все злыдни, но Арчи добряк-добряком...

Флик болтал и болтал, будто пытаясь отвлечь девушку от пугающих мыслей. Элира даже втянулась в разговор, задавала вопросы и посмеивалась над забавными историями.

— Ты много знаешь об обитателях леса, — заметила она.

— О! Да я ходячая, точнее, летающая энциклопедия! Всех знаю, от домовушек, что в печках живут, до тех, кто по звездам ходит.

— А те, кто напали на нас? Кто эти монстры?

— Ах эти... Серебряные церберы, — фыркнул Флик. Но веселость его куда-то вдруг испарилась. — Особая порода,

выведенная, чтобы чутя магию. И рвать на куски все, что попадает на пути. Их обычно держат на привязи.

— На привязи? Значит, у них есть хозяин? У них ведь и ошейники были! Со странным символом, он кажется знакомым, но я никак не могу вспомнить, где видела такой.

Пикси дернулся, резко отлетев в сторону, словно от удара. Напряженный взгляд метнулся к Таэлю. И, хотя кентавр не обернулся, его шаг немного замедлился.

— Мы, лесной народ, любим всякие побрякушки! Смотри, — он оттянул мочку остроконечного ушка, в котором болталось крошечное серебристое колечко. — Дриады чего только на себя не цепляют! Даже наш непарнокопытный Страж носит жилетик. Это ничего не значит! Церберы, должно быть, просто с цепи сорвались и наткнулись на вас. Голодные, злые... Обычное дело!

Флик говорил слишком быстро и чересчур убедительно. И его глаза, две блестящие голубые бусинки, снова и снова скользили по спине кентавра, будто ища одобрения.

Элира замолчала. Она чувствовала ложь. В душе поселилось неприятное ощущение. Червячок сомнения точил изнутри. Что они скрывают? Почему твари напали, кто послал их?

Она смотрела на широкие, мерно покачивающиеся при ходьбе плечи Таэля, его темные, непослушные волосы. И ей вдруг стало обидно и страшно. Он ведь ее проводник, единственная защита в Чернолесье. А теперь между ними вырос-

ла невидимая стена из невысказанных слов, тайн и непонятных знаков. Кентавр что-то знал, и очень старался скрыть это.

Но задавать вопросы сейчас бессмысленно. Таэль напряжен, как тетива, а в болтовне Флика слышится фальшь. Да и сама она вымотана до предела. Мысли путались, а веки налились свинцом.

Впереди, в гуще свисающих ветвей, вдруг показалась пещера. Укрытие, где можно хоть ненадолго забыться сном, не думать о церберах, символах и намерениях ее попутчиков. Просто отдохнуть.

* * *

Элира ожидала, что они забьются в узкую каменную нору, сырую и пропахнувшую плесенью. Но то, что предстало перед ней, поистине поражало воображение. Это не просто пещера. Это был дом.

Внутри разносились ароматы хвои, дымка старого костра и чего-то сладковатого — возможно, сушеных ягод или трав. Вместо тесного грота перед девушкой открывался просторный зал с высоким потолком. В трещинах скалы мерцали вкрапления каких-то минералов, отражавших свет снаружи, создавая иллюзию усыпанного звездами неба.

В центре располагался очаг. Рядом, на полке, стояла глиняная посуда — миски, кружки, котелки. Все аккуратно, все

на своих местах.

В углу виднелось настоящее лежбище! Не просто груда шкур, а огромный, плотно набитый тюфяк, заваленный овчинами с кудрявой мягкой шерстью и одеялами.

А стены... Стены покрывали выведенные углем и охрой, серой глиной и соком растения рисунки. Бегущие животные, парящие птицы и карты созвездий. Не мазня, а ошеломляюще красивая роспись.

На выступе скалы лежали книги. Элира подошла ближе, вглядываясь в потрепанные кожаные корешки. В коллекции кентавра нашлись старинные фолианты с металлическими застёжками, тонкие томики в тканевых переплетах, ветхие свитки. Она прочитала вытесненные названия: «Хроники Севера», «Сборник баллад о Первых героях», «Звездные тропы и их Стражи».

Это все принадлежит Таэлю? Грозный воин, ее молчаливый проводник коллекционировал сказки и рисовал?

Вся недавняя обида, все подозрения схлынули, затопленные волнами изумления и восторга.

— Почему... — девушка обернулась к Таэлю. Он задвигал вход в пещеру огромным валуном. — Почему мы не пришли сюда сразу? Это ведь совсем близко к месту последней стоянки.

— Просто наш стыдливый Страж не хотел, чтобы кто-то прознал о его увлечениях, — хихикнул Флик.

Он уже вовсю хозяйничал в пещере. В его руках Элира

заметила изящную деревянную фигурку — русалку с длинными волосами и печальным, удивительно живым личиком. На столе рядом стояли и другие статуэтки: лесовичок с хитрой ухмылкой, грациозный пегас с поднятым крылом, крошечная ветряная мельница.

Так это мастерская! Скрытый от всего мира уголок, где можно ненадолго отвлечься от забот.

— Отдай, — велел Таэль. Он перехватил фигурку из рук пикси, осторожно поставив ее на место. — И больше ничего не трогай без разрешения.

Кентавр развернулся и, не обращая внимания на гостей, принялся разводить огонь. Тепло разошлось по пещере, а дым, поднимаясь, уносился куда-то вверх, в расщелины каменного свода. Свет пламени играл на настенных росписях, и олени, казалось, побежали быстрее, а звезды замерцали ярче.

Таэль сварил на треноге густую ароматную похлебку с рассыпчатыми клубнями, диким луком и вяленым мясом. Запах разносился по пещере, заставляя в нетерпении сглатывать.

Ели молча. Флик не издал ни звука, вероятно, опасался, что его выгонят. Элира ловила себя на том, что украдкой разглядывает кентавра, представшего в новом свете. Тень его профиля четко вырисовывалась на настенных рисунках, а блики огня играли на волосах. Теперь он — не просто ее провожатый. Он стал загадкой, которую очень хотелось разгадать.

Но сытость, тепло и усталость взяли свое. В объятьях одеял, свернувшись калачиком на мягком тюфяке, она провалилась в сон.

Ее разбудили даже не звуки, а напряжение, пропитавшее все пространство пещеры. Сначала девушка не поняла, что происходит, но вскоре различила шепот.

— ...должен сказать ей, Страж! Девчонка в опасности! — гневно шипел Флик. — Нам нужно отвести ее к Совету!

— Не лезь не в свое дело, фей! — перебил его Таэль.

— А чье это дело, хвостатый? Неужто твое? Это больше не увеселительная прогулка по волшебному лесу! Псов пустили по следу Ржавые, мы все видели эмблему! Если они вышли на охоту, то ей нигде не укрыться! В поселении людей Элиру найдут, ей не выжить! Тебе не защитить ее в одиночку, только Высшие помогут!

Таэль не ответил. Не бросил привычного резкого «хватит», не пригрозил. В густом полумраке каменного убежища повисла звенящая тишина, полная молчаливого согласия. Кентавр не отрицал, он знал правду!

Холод, столь внезапный в теплой пещере, пробежал по спине девушки, сковывая, заставляя дышать через раз.

Совет. Высшие. Ржавые. Охота.

Что все это значит? Хотелось вскочить, закричать, потребовать ответа немедленно. Это ведь ее жизнь! И если ей угрожает опасность, она должна знать, а не слушать перешептывания за спиной!

Но что-то — возможно, остатки инстинкта загнанного зверя или ледяная ясность отчаяния — останавливало. Элира лежала неподвижно, притворяясь спящей, сжав веки так крепко, что перед глазами заплясали кровавые пятна.

«Завтра, — поклялась она себе. — Если он не заговорит со мной завтра, не расскажет все, то я спрошу сама. Если уж бежать, то нужно хотя бы знать, от кого».

Но даже сквозь эту решимость пробивался отчаянный страх. Девушка уже понимала: бежать, возможно, некуда. И ее единственный защитник знал это. Знал и потому молчал.

Глава 8

— С добрым утром, красавица! А у нас тут настоящее пиршество! — Флик порхал над очагом, размахивая деревянной лопаткой. — Самолично, с риском для жизни и крыльев добыл. Не какая-нибудь тухлятина, а свежайшие яйца, прямо из-под несушки. Ну, почти. Из гнезда на самой верхушке сосны.

Элира едва слышала его болтовню. Звуки доносились словно через толстое стекло. Еда на вкус казалась пеплом — совершенно пресная. Травяной отвар, гордо преподнесенный Фликом, обжег рот горечью полыни.

Таэль стоял у входа, там, где узкая полоска света разрезала темноту пещеры. Кентавр методично, размеренными движениями водил по лезвию меча точильным камнем.

Шик-шик-шик — отчетливый звук, будто отсчет времени.

Еда комом застряла в горле. Элира отставила кружку и подошла к Таэлю. Так близко, что теперь видела, как скупые солнечные лучи играют на каждом мускуле спины, как напряжены его плечи. Она набрала в легкие побольше воздуха, собираясь с силами.

— Нам нужно поговорить.

Он сказал это раньше, чем она успела издать хоть звук. Не оборачиваясь, тоном, не предвещающим ничего хорошего.

Целительница попятилась, будто натолкнувшись на неви-

димую стену. Возвратилась к очагу, присела на корточки и обхватила руками колени.

А кентавр отложил точильный камень. Лезвие меча с глухим звоном вонзилось в землю у его копыт. Всегда собранный, уверенность в каждом действии, сейчас он медлил, не торопясь подойдя к нательным сумкам, что тащил на себе весь их путь. Из глубины достал обрывок, грязный и местами подпаленный.

Элира узнала его мгновенно — клочок ее домашнего платья. Вышивка, имитирующая материнскую, потемнела от застывшей крови.

Таэль развернул лоскут и опустился на передние ноги, чтобы быть с ней примерно на одном уровне. Прежде он так не делал, предпочитая горделиво возвышаться.

— Ты знаешь, что означают эти символы?

Девушка лишь отрицательно мотнула головой.

— Это — древняя вязь фей. Ее вышивают не для красоты, — пояснил Таэль. — И наносят в момент чтения заклинания. Очень старого, сильного, не каждому подвластного. Такое может совершить лишь горстка избранных. Оно называется Знак Тишины. Его цель — скрыть. Запечатать. Сделать невидимым для магии, для чутья, для самой судьбы.

Элира уставилась на грязный лоскут в руках кентавра так, словно впервые его видела.

— Откуда... Откуда моя мать могла знать о таком? Она ведь простая деревенская женщина.

— Это лишь предположение — мягко, но уверенно ответил Таэль. — Она умерла вскоре после твоего рождения? Так тебе говорил отец?

— Да, через пару лет.

— Элира.

Он обратился к ней по имени впервые. Не «девчонка», не «целительница». Элира. Взгляд кентавра больше не был колючим или отстраненным. В нем читалась мука. Искренняя боль от того, что ему приходится все это говорить.

— Знак Тишины — заклинание высшего порядка. Не для пикси, не для лесных духов. Таких сил достигают не многие. И все они связаны с Двором фей.

Таэль выдержал паузу, давая ей минутку осмыслить услышанное. Девушка почувствовала, как земля уходит из-под ног, хотя она и сидела на камне.

— Двор фей — это цитадель в самой глубине чащи. Место силы, знаний и власти. Если где-то и сотворили подобное заклинание, то только там. Но такие услуги не оказывают «абы кому». За них дорого платят, очень дорого. Или... их оказывают «своим».

— Моя мать принадлежала к какому-то знатному роду? — удивилась Элира.

— Не исключено, — покачал головой Таэль. — Двор населяют не только феи. Там есть место и для людей, заслуживших доверие, для магов, для защитников знаний. Но прояснить это смогут лишь в Совете фей. Они хранят все тайны.

Элира молчала. Ночные страхи о невидимом враге блекли перед новыми, чудовищными откровениями. Она не просто деревенская знахарка, нашедшая убежище в лесу. История ее семьи — тайна, скрытая древним заклинанием.

— Но это ведь не все, — прошептала девушка. Не вопрос — констатация факта. Она видела это в глазах своего спутника. Худшее впереди.

— Да, — продолжил Таэль. — Ты задавала пикси правильные вопросы. Церберы не гуляют по лесу без дела. Они — ищейки, ведомые волей хозяина. На их ошейниках действительно изображена эмблема — капля крови, пронзенная клинком. Это позорная страница истории леса. Волшебный народ не любит о ней вспоминать.

Он отложил лоскут в сторону, чуть подавшись вперед.

— Задолго до твоего рождения среди фей разгорелся спор о чистоте крови. Одни не видели ничего дурного в межрасовых браках, другие же считали, что дети должны рождаться только в союзе волшебных существ одной расы. Спор перерос в грязную, беспощадную войну. Тех, кто сражался за «чистоту», прозвали Ржавыми. Они выслеживали полукровок и уничтожали без пощады.

Элира почувствовала, как в жилах застывает кровь, по спине пробежал холодок — ее верный спутник в походе по Чернолесью. Чем дальше — тем страшнее.

— Но прошло уже больше пятидесяти зим, — продолжил Таэль. — Война закончилась, Ржавых разгромили. Сейчас

феи благосклонно относятся ко всем своим потомкам. Полукровок не преследуют уже десятки лет. И тогда возникают вопросы. Откуда они здесь, сейчас? Почему ищейки вышли на твой след, Элира Брайер?

Девушка боялась шелохнуться. Ведь любой звук, любое слово могло прорвать плотину, и новые жуткие тайны хлынут нескончаемым потоком.

— Если за тобой действительно охотятся, то в человеческом поселении не укрыться. Тот, кто хочет найти тебя, не остановится. Возвращаться к людям смертельно опасно, — Таэль замолчал, глядя на нее, словно взвешивая каждое следующее слово. — Единственное место, где у нас есть шанс — это Двор фей. Там на тебя не посмеют напасть. А Совет поможет узнать правду о твоей матери, о знаке, об этой охоте.

— Ты... предлагаешь идти туда? К феям?

— Да. Это мой совет. И Флик скажет то же самое, — он откинулся назад, давая ей пространство. — Но выбор, Элира, только за тобой. Всегда.

Она закрыла глаза, но тьма под веками наполнилась образами. Мать, лицо которой не запомнилось. Отец, уносящий в могилу все ответы. Скалящиеся Серебряные псы. И проклятый Знак Тишины.

— Получается, — заговорила наконец Элира. — Моя мать, возможно, фея. Или близка ко Двору, раз могла попросить кого-то наложить такое мощное заклятье. И она каким-то образом нажила себе врагов среди тех самых Ржавых,

давно исчезнувших? И чтоб спасти меня, спрятала у людей, запечатав этим символом?

— Это — единственная нить, что у нас есть, — тихо подтвердил Таэль. — И она ведет в чашу. Ко Двору.

— А где он?

— В нескольких днях пути. Если согласишься идти, то скоро выдвигаемся. Медлить нельзя.

— Я... Я не могу, — Элира закрыла лицо ладонями. — Мне нужно подумать. Все это... Я не могу!

Она почти не слышала шагов кентавра. Лишь ощутила, как воздух перед ней шелохнулся. Целительница опустила руки, но Таэль уже ушел. Только Флик сидел на полке, глядя на нее огромными, печальными глазами. Крошечная ладошка легла на ее плечо, сжала в молчаливой поддержке. Шелест крыльев — и пикси тоже исчез, выпорхнув наружу.

Осталась только она. Тишина, еще вчера уютная, теперь оглушала. Расписанные стены давили. Жар от догорающего костра опалил щеки.

Завтрак комом стоял в горле.

Несколько часов назад жизнь казалась проще. Да, Элира потеряла отца и не умела управлять даром. Но тогда ей нужно было только одно — выбраться из Чернолесья живой. А теперь? Теперь она втянута в древние интриги, а ее прошлое покрыто тайной.

Захотелось сбежать. Прочь, куда глаза глядят. Оставить этот лес, забыть кошмары, начать новую жизнь в тихой де-

ревушке. Но сможет ли она спать спокойно, не зная правды? Не пожалеет ли, что не решилась узнать? Выбор за ней. И каждый вариант виделся проигрышным.

Элира молча собрала скромные пожитки, сполоснула лицо дождевой водой из ковша, переплела волосы. И вышла из убежища.

— Мы идем к феям.

Таэль ничего не ответил. Лишь забрал вещи и задвинул вход в пещеру тяжелым валуном.

Чем дальше они отходили, тем больше изменений отмечала Элира.

Лес преобразился. Сумрак, который вчера нависал тяжелым пологом, развеялся, уступив место золотистому пыльному свету. Солнечные лучи играли в листве, рассыпаясь на тысячи дрожащих зайчиков по мшистой земле, стволам деревьев и даже темной шерсти крупа кентавра.

Шорохи в кустах теперь стали дружелюбными — там сновали бурундуки и порхали пестрые птички. Зловещие силуэты монстров за поворотами обернулись очертаниями берез, елей и могучих дубов.

Лес больше не пугал. Он... приглашал. Видел, что с Элиры спала пелена неведения, ей приоткрылась тайна, и теперь она знает больше. И он готов был показать свои истинные краски, древнюю, пульсирующую магией душу.

Шли молча. Попутчики — один суровый, другой до безобразия болтливый — притихли, будто опасаясь нарушить

внутренний покой девушки. В этом молчании читалась жалость, что Элире решительно не нравилось. Хотелось хоть немного разрядить обстановку.

— Таэль! — позвала она.

Острое, покрытое короткой шерстью ухо тут же развернулось в ее сторону. Кентавр не обернулся, но давал понять, что слушает.

— Ты сказал, что война закончилась больше пятидесяти лет назад. И так много о ней знаешь. Ты прочитал об этом в книгах? Или... видел собственными глазами?

Кентавр неожиданно, впервые за все время их путешествия, споткнулся. Копыто глухо стукнуло о торчащий из земли корень. Он едва сохранил равновесие, махнув бедрами. Видимо, слова застали его врасплох. Но вопрос казался безопасным. Безобидным, не о кровопролитных войнах и дворцовых интригах.

— Видел, — наконец ответил Таэль.

— Так сколько же тебе лет? — вырвался полный изумления вопрос.

Страж закашлялся. Флик вдруг фыркнул, а затем залился безудержным, дребезжащим смехом, кувыркаясь в воздухе.

— Это моя сто девятая зима, Элира, — Таэлю наконец удалось справиться с приступом мнимого кашля.

— Ого, — прошептала она, глядя на его мощную спину, на легкую поступь. Сила ощущалась в каждом движении. — Какой же ты... древний!

Флик хохотал уже так, что чуть не падал, хватаясь за ветку.

— Волшебный народ живет дольше людей, крошка! — выдохнул он, утирая слезу. — Секрет в магии. Мы дышим ею, нас питает сам лес! Наш хмурый друг еще юнец! Кентавры дотягивают до трех сотен зим. Как и многие другие: феи, русалки. А древесные девы и вовсе могут прожить до тысячи. Правда, они чаще предпочитают со временем слиться с деревом, устав от суеты.

Флик снизился, летя рядом, и хитро подмигнул Элире.

— Если все это правда, то тебе, моя дорогая, светит прожить подольше твоих деревенских подружек. Годам к ста будешь выглядеть на тридцать!

Это настолько ошеломляло, что Элира на миг позабыла обо всем. И с сомнением посмотрела на пикси.

— Но, если моя мать фея, разве я не должна быть похожей на тебя? Крошечной, с крыльями... Или меня так изменило заклятье? И если Знак Тишины спадет, то я стану размером с кошку?

— Маловероятно, — сухо ответил Таэль, не оборачиваясь.

— Ха-ха-ха! — пикси снова зашелся смехом. Он взмыл вверх и полетел задом наперед, с непостижимой ловкостью уворачиваясь от веток. — Нет, крошка! Знак Тишины работает не так. Он скрывает суть, но не перекраивает тело с ног до головы! Твоя внешность, возможно, малость и подправ-

лена, но в целом ты — это ты.

Он широко раскинул руки, будто стараясь придать красок своей истории. Элира подумала, что уж что-то, а заинтересовать рассказом этот фей умел.

— Вы там, в своем человеческом государстве, ничего толком о нас не знаете, да? Так слушай! Мы, волшебный народ, как калейдоскоп — все разные. Видов, обличий, сущностей — тьма. Вот кентавры — да, они примерно одинаковые: полтонны мышц и вечное недовольство на лице.

Хвост Таэля, обычно плавно покачивающийся в такт шагу, резко и точно дернулся в сторону, как плеть. Флика отбросило на пару метров, но он лишь вновь расхохотался.

— А вот у фей все сложнее. Есть Низшие — пикси, лесовички. Мы все разные: одни ростом с ботинок, другие, как я, солидные экземпляры. Вот только магии в нас с гулькин нос, хватает разве что на фокусы. А есть и Высшие. Они похожи на вас, людей. Ростом, станом. Часто и без крыльев — ну, с такими-то габаритами, куда уж летать? — он снизил голос до доверительного шепота. — Их магический резерв — океан в сравнении с нашими лужицами. Твоя мать точно не Низшая фея.

Флик многозначительно поднял бровь и деликатно откашлялся в маленький кулачок.

— Сама понимаешь... Трудно представить, чтобы твой отец, здоровенный мужик, и... ну, скажем, такая, как я, смогли бы... кхм... продолжить род. Размеры, знаешь, не те.

Элира покраснела, но не от стыда. Все это настолько нелепо, что она вдруг нервно рассмеялась. Впервые за несколько дней ужаса. Пикси загоготал вслед за ней.

А походка Таэля едва заметно изменилась. Сковывающее его напряжение чуть ослабло. Всего на волосок, но Элира это увидела.

Лес вокруг сиял, солнце грело щеки, а впереди была не просто тропа, а дорога к ответам. И, возможно, уже скоро она узнает себя новую — ту, что сейчас скрыта Знаком Тишины. Впервые за долгое время путешествие виделось не бегством. В нем появилась цель.

* * *

Три дня в пути в глубь чащи притупили страх. Он не исчез, просто отполз в дальний угол сознания, уступив место чему-то новому. Дорога больше не казалась чередой кошмаров.

Они шли часами. Но тело теперь не горело огнем от непосильной нагрузки. Усталость не изматывала, ощущалась разве что приятная тяжесть в натруженных мышцах.

Целительница училась чувствовать ритм леса: неторопливый шаг Таэля задавал такт, дыхание подстраивалось под него, а шелест листвы, пение птиц и скрип веток создавали постоянно меняющийся живой аккомпанемент.

Этим вечером они остановились на ночлег под сенью ги-

гантских тисов.

Пока Элира и Флик обустроивали лагерь, Таэль отлучилась поохотиться и вернулся с тушкой кролика. Запах жареного мяса, смешанный с ароматом дымного можжевельника, разносился по небольшой поляне, превращая ее в островок первобытного уюта.

Крольчатина была сочной, с хрустящей, пропитанной жиром корочкой. Элира ела с жадным удовольствием, чувствуя, как тепло разливается по продрогшему за день телу, а пальцы становятся липкими от сока. Флик наелся ягод и устроился в развилке корней, мгновенно засопев, крылья безвольно обвисли.

Но к Элире, сытой и усталой, сон не шел. Она сидела, поджав ноги, на разостланной шкуре и вглядывалась в костер, где языки пламени плясали свой вечный гипнотизирующий танец.

Мысли кружились, как осенние листья.

Полукровка.

Это слово отдавалось в груди ледяным эхом. Таэль, Флик и дриады проявили к ней доброту. Но страшилки, которыми деревенских пугали с детства, не забылись. Те, кто жил в Чернолесье, считались смертельно опасными. А теперь, возможно, она сама — часть этого чужого мира. Хотела ли она быть ею?

Элира попыталась представить будущее, раньше видевшееся единственно возможным. Простое и ясное, как линия го-

ризонта над полем. Тяжелая, честная работа в деревне. Запах вспаханной почвы и скошенной травы. Уютная изба. Обязательно своя корова — добрая, но глуповатая Зоряна. И муж... Крепкий парень с мозолистыми руками. Кузнец, как ее отец, или плотник. Дети, чей смех наполняет двор. Все как у всех. Понятное. Без загадочных символов и охотников.

А что ждало ее здесь, в лесу? Она не знала почти ничего. Как живут феи? В домах? В пещерах? Что едят? Поют ли песни? Ссорятся ли из-за немытой посуды? А если фейская кровь возьмет верх... Станет ли она холодной и отстраненной, как Высшие? Перестанет ли чувствовать тепло солнца на коже, радость при виде первого весеннего цветка?

Она боялась, но не смерти, не погони. Боялась потерять себя. Стать кем-то другим — чужачкой в собственном теле.

— О чем думаешь? — спросил Таэль, заставив Элиру вздрогнуть. Она не слышала, как он подошел.

Кентавр стоял в двух шагах, его лицо, освещенное снизу пламенем, казалось вытесанным из камня. Но в глазах нет привычной суровости. Скорее настороженность. Может, даже капелька вины. Он опустился рядом, осторожно пристраивая круп на краешке шкуры. Мощное тело отбрасывало огромную тень.

— Ни о чем, — попыталась отмахнуться Элира.

Таэль терпеливо молчал, давая ей время.

— Я боюсь оказаться феей, — выдохнула она наконец, уставившись на свои скрещенные на коленях пальцы. — Я

не знаю, как это. И смогу ли принять это в себе. Всю жизнь я думала, что знаю, кем являюсь. А теперь...

Слова выходили скомканными, пропитанными горечью. Элира почувствовала, как по щеке катится слеза.

И тогда он осторожно коснулся ее. Шершавые, покрытые тончайшей сетью старых шрамов кончики пальцев скользнули по лицу девушки, сметая влагу.

— Элира, — хрипло позвал Таэль. — Посмотри на меня.

Она подняла голову. Его лицо так близко. В отсветах костра видна каждая деталь: золотистый загар кожи, темные ресницы, отбрасывающие тени на скулы, решительная линия рта.

— Неважно, кем в итоге ты окажешься. Ты уже хорошая. Сильная — смогла справиться с потерей самого дорогого. Самоотверженная, готовая отдать последнее в помощь другим. Чуткая и отважная. И все это не из-за крови. А просто потому, что так чувствуешь, так желаешь. Важно то, какие поступки ты совершаешь сейчас.

Таэль отвел руку, и его пальцы опустились на собственную грудь, чуть ниже ключицы. Туда, где располагался странный шрам. В свете костра он проступал четче: сложный узор, напоминающий переплетенные ветви, грубо перечеркнутый глубокой белесой полосой. Знак отторжения.

— Я сейчас тоже далеко не тот, кем должен был быть. Не тот Страж, не тот сын, не тот... кентавр. Но я здесь. И сейчас я именно там, где хочу находиться.

Элира замерла, позабыв о страхах и сомнениях. И посмотрела на шрам. Она помнила, что Флик как-то обронил «изгнанник». Значит, прошлое Таэля не менее тяжкое, чем ее. Наверное, оно полно боли. Вопросы рвались наружу: «Кто ты? За что тебя так отметили?» Но она не спросила. Если захочет — расскажет сам.

Девушка медленно, почти неосознанно вдруг протянула руку. Остановилась в сантиметре от его груди, где виднелся выжженный символ.

— Можно? — прошептала она.

Таэль не ответил, лишь слегка кивнул, прикрыв глаза.

Элира коснулась шрама. Кожа там была грубой, неровной, будто запечатлевшей в себе давнюю агонию. Она водила по этим линиям, чувствуя под подушечками пальцев историю, которая ей пока неизвестна.

Он вздрогнул, но не отстранился. Глубокий вдох поднял мощную грудную клетку. В полумраке девушка видела игру мышц на мужском торсе, твердый живот, линию, где человеческая кожа сменялась темной шерстью конского крупа. Могучий... и бесконечно одинокий. Как и она.

Целительница убрала руку, сжав пальцы в кулак.

— Спасибо, — поблагодарила она. За то, что поддержал. Что сказал. За то, что позволил прикоснуться.

Таэль вновь кивнул. Ничего не добавил. Никаких лишних слов, обещаний, утешений. Просто молчаливое присутствие. Разделенная на двоих тишина леса. И Элире полегчало, а бу-

дущее перестало так пугать. Потому что в этом возможном будущем есть он — ее проводник и Страж.

Флик посапывал на ветке. Огонь потрескивал. А они сидели рядом, два изгоя, каждый со своими тайнами.

Глава 9

— Сегодня выйдем к Лунному озеру, — сообщил Таэль утром, раздувая тлеющие угли. — Это единственный безопасный проход. На километры вокруг лишь топи, кишачие болиголовами.

— Боли... кем? — переспросила Элира, сворачивая шкуры. Настроение было на удивление хорошим, она наконец выпалась.

— Болотные духи, — пояснил кентавр, бросая в котелок оставшееся с ужина мясо и разбивая сверху несколько яиц, принесенных Фликом. — Зловредные и жадные до жизненного тепла. Встреча с ними не сулит ничего хорошего. Но и путь через озеро легким не будет.

Запах жаренного в яйце кролика, острый и манящий, защекотал нос. Элира с благодарностью приняла свою порцию в глиняной миске и зачерпнула горячую массу сухариком.

— Почему путь будет трудным? — спросила она, облизывая палец. — Придется добираться до берега вплавь?

— Потому что это не просто лужа, дорогуша! — влез Флик, порхая над котелком. — Это место живое и наделено силой. А также собственным... скажем так, мнением. Каждому, кто впервые хочет пройти, нужно доказать чистоту своих намерений. А то всякая нечисть шастала бы тут, как у себя дома.

— И как это сделать? Мне придется с кем-то сражаться?

— Нет, — наконец вступил в разговор Таэль, уже расправившийся с завтраком. — Это не физическое испытание. Оно... для души. Когда я сам впервые попал сюда, озеро захотело выяснить, что моя сила служит защите, а не разрушению.

На мгновение он замолчал, мысленно возвращаясь к прошлому.

— Оно показало мне видение... Сородичей, попавших в беду из-за моей невнимательности. Всего лишь иллюзия, но такое действительно могло бы произойти. Я был горяч и горделив. Озеро спросило: «Что для тебя важнее — долг или жизнь? Твоя честь или их сердца?» Я мог признать свою вину, спас бы товарищей, но остался опозорен. А мог смолчать, тогда они погибли бы, но о моем проступке никто не узнал. Я выбрал жизни. И принял все последствия решения.

Элира слушала, притихнув. Он делился сокровенным. Таэль приоткрывал тайны своего прошлого, разрушая невидимые стены между ними.

— А ты, Флик? — спросила она у пикси. Он стал частью их маленькой компании, ей хотелось узнать его поближе.

— О, я? — фей с гордостью выпятил грудь. — Я родился на той стороне, дитя этих холмов и ручьев. Для озера — свой, родненький. Мне дозволено просто пролетать мимо, как милой, безвредной бабочке. Ну, или как очень шумному и настырному мотыльку.

— Не бойся, Элира, — сказал Таэль, возвращая всех в настоящее. — Озеро не причинит тебе вреда. Оно лишь покажет. Просто помни, о чем мы говорили вчера. А том, кто ты.

— Ого! — обидчиво надул губки Флик. — Я что-то пропустил? Вы тут, пока я мирно спал, вели задушевные беседы? Непорядок! Требую полный отчет!

— Расскажем по пути, — пообещала девушка пикси. — Если позволишь мне вставить слово среди твоих бесконечных историй.

Они снова двинулись в путь. И лес, чувствуя настроение Элиры, окончательно сбросил с себя пугающий облик.

Теперь он был роскошен! Не просто зеленый, а взрывной, вибрирующий жизнью. Буйство хвои сменялось солнечными полянами, усыпанными цветами невообразимых оттенков: темно-синими колокольчиками, розовыми ландышами. В их чашах поблескивала роса, будто драгоценный нектар. Пахло медовой пылью, пряной мятой, древесной смолой и свежестью утра. И сквозь все это великолепие пробивался низкий, басовитый гул, как песня самой земли. Он не пугал, а скорее манил.

После полудня чаша наконец расступилась. Элира остановилась, завороченно глядя на раскинувшуюся впереди картину.

Перед ними расстилалось озеро. Чаша выточена из цельного куска молочно-голубого камня. Аквамариновая вода светилась изнутри, словно на дне горели тысячи огоньков.

Гладкая, зеркальная поверхность отражала небо и скалы так четко, что граница между реальностью и отражением исчезала. Воздух вокруг мерцал, как над раскаленным камнем в летний зной.

— Ничего себе, — прошептала Элира.

Но ее слова потонули во всепоглощающем гуле. Стало понятно, что это за шум: в скалах, обрамлявших чашу, с огромной высоты низвергался водопад. Бушующий поток, сотканный из жидкого серебра. Он падал, растворяясь в светящейся глубине, что и рождало тот самый успокаивающий звук.

— Лунная чаша, — кивнул Флик, слегка касаясь вибрирующим крылом плеча Элиры. Его голос утратил привычную иронию. — Место силы. Дом наяд. Не шуми, не делай резких движений и, ради всего святого, не лезь в воду без разрешения. Они не любят, когда нарушают их покой.

Таэль уже спускался по тропинке, выложенной гладкими, отполированными временем камнями, к самой кромке воды. Девушка последовала за ним, чувствуя, как исходящая от озера прохлада окутывает кожу, смывая пыль и усталость.

Они разбили лагерь на небольшом пяточке белого песка, втиснутой между скалой и озером. Пока кентавр раскладывал вещи, Элира не могла оторвать глаз от воды.

— Они здесь, — пояснил Таэль, подходя к ней. — Но пока наблюдают.

Сумерки спустились быстро. Озеро преобразилось. Его внутренний свет заиграл ярче, отливая фосфоресцирующим

серебром и синевой. И тогда Элира увидела их.

Наяды поднялись из глубины. Их полупрозрачные тела из текучей воды и света слегка подрагивали. По хрупким плечам струились пенящиеся волосы, а глаза сияли, как сапфиры. Несколько фигур окружили песчаную отмель напротив лагеря.

Одна из них, чуть крупнее остальных, напоминала статую из хрусталя. Дева, юная и древняя одновременно. Длинные ноги терялись в перетекающем шлейфе, будто она навсегда застыла на полпути из глубины на берег. Наяда была обнажена, но нагота ее не выглядела вызывающей. Скорее чистой и безгрешной, как сама стихия. В бездонных глазах плескалась вековая память. Эти глаза видели, как рождаются и умирают реки, как движутся ледники, как колышется первый росток на остывшей лаве.

Стало понятно: это не просто наяда, а некто куда более древний и сильный. Душа озера, а может, и самого леса.

Дева выдвинулась вперед. Она не открыла рта, но голос прозвучал в голове Элиры — сложный, как перезвон стеклянных бокалов и журчание подземного ключа.

«Путники. Вы просите разрешения пройти через Лунное озеро. Но должны показать, что достойны. Свою суть».

Таэль выпрямился. Флик закопошился на песке. Дева обращалась к ним всем, но Элира чувствовала, что в первую очередь к ней.

— Что мне делать? — прошептала она.

«Подойди к воде. Взгляни. И скажи, что видишь».

Элира нерешительно подошла к самой кромке берега, где светящаяся вода лизала камни. И заглянула в озеро. Отражение в идеальной глади было пугающе точным. Оно показывало все.

Лицо, такое знакомое и одновременно чужое. Широкие брови, которые отец в шутку называл «вороновыми крыльями», остались теми же. Как и вздернутый носик с парой веснушек. А вот губы, раньше розовые, как вишенки, потускнели и потрескались от сухости. Карие глаза горели лихорадочным блеском, в них поселились настороженность. Щеки впали, а кожа из покрытой красивым летним загаром превратилась в блеклую, болезненно прозрачную.

Отражение вдруг дрогнуло. Проступили другие черты. Лицо стало изящнее, скулы — выше. Кончики ушей слегка вытянулись. В глазах вспыхнули крошечные искры, похожие на далекие звезды. А темно-каштановые теперь отливали лунным серебром.

Две девы в одном отражении. Человек и фея.

Элира отшатнулась так резко, что каблук сапога заскользил по мокрому камню. Таэль вытянул руку, и его ладонь легла на ее спину, удерживая от падения. Но она не чувствовала этого касания. Весь мир сузился до двух лиц в воде.

Все, что ей говорили, все, что казалось кошмаром, было правдой. Она — наполовину фея. Чудовище из сказок. Нечисть.

Грудь сжало. Паника, черная и липкая, поднялась из самого нутра, затопив разум.

Ложь. Вся ее жизнь — ложь.

Отец, милый, любимый папочка, знал. Не мог не знать. И он лгал ей. А мать? Кем она, черт возьми, была? И умерла ли на самом деле? Может, сбежала, бросив полукровку на поруки людей?

Слезы хлынули из глаз, застилая видение. Но Элира так и не смогла перестать рассматривать второе отражение. От холодной, неземной красоты незнакомки с серебристыми волосами и звездным блеском в глазах. Ведь это та, кем она являлась на самом деле.

«Кого ты видишь? Кто ты, дитя?» — настойчиво прозвучало в голове.

Девушка не ответила. Горло сдавило спазмом, кулаки сжались так, что пальцы онемели. Хотелось отвернуться, убежать. Забыть это видение. Снова стать просто Элирой Брайер — деревенской целительницей.

И тогда она ощутила тепло. Не прикосновение, а присутствие огромного тела, вставшего у нее за спиной. Он подошел так близко, что его тень снилась с ее. Таэль не говорил ничего, не пытался утешить словами. Просто стоял вместе с ней на краю ее внутренней пропасти как скала.

И сквозь панический туман в памяти, как первые лучи сквозь грозовую тучу, начали пробиваться вспышки воспоминаний. Не о чудовищах. О людях.

Элира вспомнила, как выхаживала маленькую Хелену — соседскую дочку, когда та горела в лихорадке. Деревенские шептались, что девчушка не выживет, но целительнице удалось выдернуть ее из лап смерти. Вспомнила старую Марфу, с гноящейся раной на ноге, и как она ночами сидела у постели больной, по капле отдавая свой дар, пока плоть не затянулась розовой рубцовой тканью. Вспомнила благодарные улыбки жителей деревни. Для них она приносила настойки от боли в спине и мази для потрескавшейся от тяжелой работы кожи.

А потом перед глазами замелькали другие образы. Кентавра, чье молчание оглушало сильнее любого крика. Озорного пикси, своим смехом разгоняющего страхи. Дриад в их сумасшедшем прекрасном царстве блеска и беззаботности.

Она вспомнила, как лес перестал пугать. Заиграл красками, наполнился жизнью. Чернолесье было домом для стольких удивительных существ. И Элира начала чувствовать его дыхание, силу. Она связана с ним.

Девушка сделала глубокий вдох. Слезы стекали по щекам, падали в воду, создавая крошечные круги, искажающие двойной портрет. Она еще раз взглянула на оба отражения. На изможденную, испуганную крестьянскую девчонку. И на прекрасную, загадочную незнакомку, принадлежащую другому миру.

Выбрать одно? Отказаться от человеческой половины, от всего, что ей знакомо? Безумие!

Но как можно отвергнуть фейскую часть? Притвориться глухой, когда лес начал говорить с тобой. Отказаться от этой странной, только что открывшейся связи с иным миром. От возможности узнать, кем была мать. От манящего волшебства!

Нет!

Невозможно сделать выбор. Потому что они обе жили в ней: страх и сила; прошлое и тайна; деревенская жизнь и лес; человеческое сердце и фейская кровь. Две половины единого целого.

Элира вытерла лицо рукавом, смахнув слезы.

— Я — Элира, — громко произнесла она, глядя на наяду.
— И я принимаю себя.

Вода забеспокоилась. Легкая рябь пробежала по поверхности, исказив отражения, слив их воедино.

«Принято, дитя двух берегов. Твоя суть признана водами Лунного озера. Но одного осознания себя мало. В твоей крови течет сила. Докажи, что ты можешь использовать ее во благо».

Наяды расступились, пропуская одну вперед. Она казалась... другой. Форма была нестабильной, зыбкой. Сквозь прозрачную плоть струились грязно-зеленые, маслянистые прожилки. От нее исходил отчетливый запах гнили и болотной тины. Озерная дева беззвучно корчилась от боли.

«Болиголов коснулся ее. Яд глубин отравляет чистоту души. Исцели ее. Это твоя плата за проход».

Элира почувствовала, как паника возвращается. Она инстинктивно шагнула вперед, к страдающему существу. Привычное желание — броситься на помощь, отдать, залатать — затрепетало в ней. Целительница протянула руки, закрыла глаза и попыталась воспроизвести все то, что делала с Древом дриад: найти в памяти образ кристально-чистой воды, прохладной и сияющей.

Но, как и в случае с Таэлем, ничего не произошло. Оба они наделены разумом, тогда как святыня дриад — лишь дерево, хоть и напитанное магией леса.

Чужеродная, ядовитая зараза, пульсирующая в самой сердцевине водяного создания, ощущалась как паразит. Элира инстинктивно потянулась к ней своим даром и почувствовала, как он рвется наружу, чтобы исцелить, заменить собой.

Но этот путь смертельно опасен. Она отпрянула, снова едва не потеряв равновесие.

Нельзя. Она сгорит, как свечка.

— Не получится, — с отчаянием выдохнула девушка. — Я не могу! Способ, о котором рассказали дриады, не работает. Она живая, ее боль... другая!

Таэль, стоявший позади, молчал. Но она затылком чувствовала его тяжелый взгляд.

И тогда заговорила старшая наяда. Мысленный голос стал еще тише, будто она шептала о тайнах мироздания.

«Ты заглядываешь внутрь себя, дитя, в колодец своей ду-

ии. И видишь, что он почти пуст, а рана так страшна.

«Ты хочешь вычерпать себя до дна, но этих сил не хватает. Пара ведер воды из колодца не смогут потушить пожар. Так и твоей внутренней силы не хватает для того, чтобы бороться с самой смертью».

Голос наяды окреп, в нем зазвучала древняя уверенность.

«Но ты — не сосуд. Не колодец. Ты — русло. Стань рекой.

«Мы не просим тебя отдать собственную магию, ведь она и так повсюду, оглянись. Она в беге водопада, в пульсе корней, в шепоте камней. Здесь все дышит силой.

«Твоя природа в том, чтобы эту силу проводить. Желание помочь, сострадание — берега, что направляют поток. Воля — уклон, задающий течение.

«Раскройся, наполняйся. Что ты чувствуешь вокруг? Слушай не ушами, а кожей. Кровью. Естеством. Тем, что пробудилось в тебе и тянется навстречу миру.

«Позволь этой силе течь сквозь тебя и направь ее, как луч света сквозь хрустальную призму. Прямо в сердце пораженного».

Элира прислушалась. Отогнала все страхи, мысли и сомнения. Отпустила контроль.

И мир обрушился на нее.

Она услышала мощный, неукротимый бег водопада, низвергающего тонны жидкой силы в озеро. Глубокий, размеренный гул древних камней на дне, что хранили тепло земных недр. Тихую, упрямую пульсацию жизни в корнях

плакучих ив, опустивших ветви в воду. Холодную энергию звездного света, растворяющегося в глади.

Это была не магия в привычном ее виде. А необузданная сила, первозданная и дикая. Бытие в самом мощном его проявлении.

— Я... чувствую, — прошептала Элира.

«Теперь — пропусти. Не впитывай. Не пытайся завладеть. Позволь этому течь сквозь тебя. Твое тело, твоя душа — особенные. Они преобразуют. Направь намерение — очищение, восстановление, целостность — и стань мостом для этой силы».

Элира толком не поняла, что произошло. Она мысленно «раскрылась» навстречу бушующему потоку окружающей силы. И он хлынул.

Это было не больно, но ощутимо. Как если бы тебя подставили под ледяной водопад вселенской мощи. Кости загудели, кожа вспыхнула, в глазах взорвался фейерверк из серебряных искр. По рукам, шее, под одеждой проступили и засветились зеленые прожилки, такие же, как когда-то бежали по Древу дриад. Знак связи с магией этого места, отголосок силы природы. Теперь они горели и на ней.

Удержать поток оказалось непросто. Мускулы дрожали от напряжения, зубы сомкнулись.

Она стала проводником, а не источником. И в это течение силы она вложила простое намерение: очистить, сделать здоровой. И направила его на зараженную наяду.

В тот же миг грязно-зеленые прожилки в теле озерной де-вы вспыхнули и рассыпались, как пепел. Искаженная форма выровнялась, наполнилась аквамаринovým светом. Исцеленная наяда издала тихий стон, похожий на звон колокольчика.

Поток вокруг Элиры истончился и исчез. Она рухнула на мокрый песок, тяжело дыша. Ее трясло, но не от усталости, а скорее от переполняющих чувств.

Она сделала это. По-новому, не причиняя себе вреда. Воспользовалась силой самого Чернолесья. Легко, словно была рождена для этого.

Наступила тишина, нарушаемая лишь гулом водопада. Потом старшая наяда снова заговорила.

«Ты смогла, прошла испытание. Твой дар — не проклятье, а ключ. Сопереживание человеческой половины направляет, а природа фейской проводит силу. Не забывай этого».

Озеро ярко вспыхнуло, будто вдохнув. Наяды медленно скрылись в глубине.

Элира сидела на песке и смотрела на свое отражение в уже спокойной воде. Теперь она знала, что где-то внутри нее скрыто иное, но это знание больше не пугало.

Флик приземлился рядом, осторожно дернув ее за мокрый рукав.

— Ну вот, — прошептал он без тени насмешки. — А говорила «проклятье, проклятье».

Глава 10

Наяды оставили на плоском камне у самой воды подарок — пару десятков темно-синих, почти черных раковин, усыпанных коралловыми наростами.

— Что это? — Элира осторожно коснулась пальцем створки.

— Озерные устрицы, — отозвался Таэль, подходя ближе. — Большая редкость, они питаются лунным светом, отраженным водой. Не каждому посчастливится ими полакомиться.

Девушка подняла одну. Раковина была холодной и наглухо закрытой.

— А как их есть? — спросила она, покрутив диковинку в руках.

— Я покажу.

Костер разводить не пришлось. Озеро светилось тихим, рассеянным сиянием, которое выхватывало из темноты гладкие камни и стволы ближайших к лагерю деревьев. Воздух сохранил дневное тепло, словно само лето решило заночевать на этом берегу.

Элира и Флик уселись на широком, покрытом мхом валуне, Таэль встал рядом, доставая из перевязи короткий нож с рукоятью из темного дерева. Он взял устрицу у Элиры, ловко поддел лезвием едва заметную щель и, чуть прокрутив за-

пьяством, вскрыл створку. Внутри, в небольшой лужице перламутровой жидкости, лежало нечто нежное, студенистое, переливающееся всеми оттенками голубого и серебристого.

— Вот, — кентавр протянул открытую раковину. — Выпиваешь одним глотком. Не жуешь, просто наслаждаешься вкусом.

— Оно же... живое! — воскликнула Элира.

— Это дар озера. И отказываться от него — верх невежества.

Флик выхватил протянутую устрицу, слегка задрал голову, быстро опрокинул содержимое в рот и блаженно зажмурил глаза.

— Деликатес! — промуркал он, резные крылья трепетали от возбуждения. — Я предпочитаю нектар, но это... священная пища! Съешь, крошка, не бойся! Такое не каждый день пробуешь. Водные девы с тобой поделились — это благословение.

Элира приняла вторую вскрытую ракушку. Зажмурилась, скривилась и, подражая пикси, втянула устрицу губами.

Ожидала слизи, соленой горечи, чего-то отталкивающего. Вместо этого на язык хлынула волна невероятно сложного вкуса. Сладковатого, как спелый персик, но с кремовой, маслянистой текстурой и долгим послевкусием. Не еда, а чистое удовольствие.

— Ох, — выдохнула она. — Так вкусно!

На лице Таэля мелькнуло подобие улыбки.

— Теперь сама, — он протянул нож и устрицу. — Узкий конец ракушки к себе. Ищешь щель между створками. Надавливаешь — вниз и чуть вперед. Ты почувствуешь сопротивление, но не ломай, а скользи клинком.

Таэль подошел ближе, склоняясь над Элирой. Большая рука накрыла ее пальцы, направляя движение, показывая нужный угол. Дыхание касалось виска. Девушка, сосредоточившись, надавила. Раздался тихий хруст, и створка поддалась.

— Получилось! — воскликнула она с детским восторгом.

— Получилось, — одобрительно подтвердил Таэль.

Ели молча, наслаждаясь даром Лунного озера. Флик, забравший себе три раковины, причмокивал от удовольствия и комментировал каждую:

— Вот эта — с нотками донного мха! А эта — чистая энергия глубинных ключей!

Сытость и умиротворение разлились по телу приятной тяжестью.

— Хочу прогуляться, — сказала Элира, слезая с камня.

— Не уходи далеко. Здесь безопасно, но, чтобы я тебя видел, — кивнул Таэль, не поднимая глаз от последней устрицы, которую он медленно отделял от раковины.

Она пошла по самому краю воды, где теплый песок сменялся мелкой влажной галькой. Идти босиком под мягкий плеск волн после нескольких дней пути по запутанным лесным тропам казалось блаженством. Девушка слышала за спиной тихие звуки: Флик, как всегда, болтал, Таэль коротко

отвечал. Но мир сузился до ощущений в ступнях.

Берег стал диким. Галька сменилась крупными, скользкими камнями, между них прятались корни деревьев. Тень от нависающих веток закрыла лунный свет. Элира засмотрелась на серебристую дорожку на воде, ногой провалившись в расщелину между валунами.

Жгучая боль пронзила стопу.

— Ай! — всхлипнула она. Рефлекторно дернулась в сторону, освобождая ногу из плена, потеряла равновесие и завалилась набок, едва успев подставить руку, чтобы не удариться головой.

Прошло всего несколько секунд, а он уже очутился рядом.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Таэль.

— Кажется... что-то вонзилось в ногу.

— Дай посмотреть, — рукой он обхватил лодыжку и приподнял, рассматривая стопу, пальцы обжигали кожу теплом.

Элира затаила дыхание. В прикосновении не было ни капли фамильярности, только холодная практичность того, кто не раз видел раны. Он повернул стопу к свету, идущему от озера. Боль вновь заставила девушку вздрогнуть.

— Не дергайся, — пробурчал Таэль, но мягко, словно говорил с пугливым жеребенком. — Маленький шип. Щепка от корня.

Свободная рука кентавра потянулась к поясу, где висел еще один нож. Но прежде, чем извлечь лезвие, его большой палец уперся в пятку, чуть в стороне от раны, нажимая на

напряженную мышцу. Он начал медленно разминать стопу в попытке успокоить боль.

И тут Таэль замер. Палец перестал описывать круги на коже. Даже дыхание затихло. Он смотрел на ногу, зажатую в руке, будто осознав, что держит. Не просто раненую конечность, а ее ступню. Маленькую, в песке, невероятно хрупкую в его ладони. А палец, его палец... ласкал.

Элира, замороженная этой переменной, боялась пошевелиться. Боль притупилась, уступив место странному теплу, расплзающемуся от точки, где Таэль касался кожи, по всей ноге.

Его взгляд пополз вверх. Мимо сбившейся штанины, обнаженной щиколотки, согнутого колена, пока не встретился с ее глазами.

Девушка открыто смотрела на него. Без страха, но растерянно.

Где-то совсем рядом, в кустах, что-то захрустело. Оттуда стремглав вылетела огромная сова, хлопая крыльями.

Кентавр вздрогнул. Аккуратно взмахнул ножом и тут же выпустил ногу, словно она была раскаленным угольком. Он поднялся с такой резкостью, что под копытами захрустела галька.

— Все, — выдохнул он хрипло. — Просто заноза.

Не глядя на нее, Таэль развернулся и зашагал обратно к лагерю, оставив Элиру сидеть на влажной гальке с сердцем, колотившимся так громко, что казалось, его эхо донесется

до самых глубин Лунного озера.

* * *

Он стоял спиной к озеру, стиснув кулаки так, что ногти впились в грубую кожу ладоней. Но это не помогало. Пальцы, касавшиеся девушки, горели огнем. Изыщную ножку не хотелось отпускать. Это было наваждением.

Что, черт возьми, с ним происходит?

Хотелось метнуться в чашу, скакать стремглав, пока легкие не разорвутся от боли, а ветер не выдует из головы этот дурман. Но нельзя, нельзя оставлять ее. Ее! Не «девчонку», не «полукровку», не «ключ». Элиру.

Отчаяние — холодное, острое, давно позабытое — сковало изнутри. Таэль не помнил, когда в последний раз ощущал нечто подобное. Может, в день, когда отец повернулся к нему спиной, а на груди появилась позорная метка изгнанника? Но тогда, скорее, он чувствовал ярость. Сейчас же... сейчас его разъедало тихое, неумолимое чувство. От него не скрыться.

Он мысленно вернулся к своему изначальному плану.

Она ведь жалкая. Человечка в рванье, с глазами, полными ужаса, и с нелепой верой в то, что он выведет ее к людям. Но с невероятным даром исцеления. Этот дар мог стать ключом к спасению Роши. И к его спасению тоже. План прост: изгнанник нашел чудо-магичку, которая поможет исцелить

Рощу, а ему самому заслужить прощение. Или хотя бы благосклонность — возможность снова ступить на землю предков без оскорбительных плевков в спину.

Он смертельно устал носить это клеймо. Пятьдесят лет. Уже полвека он Страж. Когда-то это звучало гордо, но теперь стало лишь красивым названием для изгоя. Таэль скитался вдоль границы, все еще неся свою службу. Но никому не был нужен.

Презрительные взгляды жителей лесных селений говорили об этом яснее любых слов. Все видели клеймо. И знали, что так отмечают лишь кентавров, совершивших очень плохой поступок, преступление.

Ни семьи, ни друзей, ни дома. Будущее? Будущего нет. Только бесконечная дорога да редкие мимолетные связи с такими же отбросами, как он сам.

Таэль задумался, любил ли он кого-то? Вероятно, нет. Лет двадцать назад связался с одной сатирессой... Ее огонь обжигал, но не грел. Она горела страстью, но, как выяснилось, не только к нему. Кентавры не терпят такого.

И больше никаких привязанностей. Иви не зря прозвала его Ледяным Стражем. Казалось, что он промерз изнутри, а сердце — всего лишь бесчувственная ледышка.

А потом появилась человеческая девчонка. Хрупкая, как первый весенний цветок. Нелепая и вся перемазанная. Таэль и женщину-то в ней не видел, сплошное недоразумение. И средство для достижения целей.

Но чем дальше они углублялись в чашу, тем больше кентавр понимал, как ошибочно первое мнение.

Тощая, с торчащими из-под окровавленного платья угловатыми коленями, она бросилась помогать дриадам. Без страха, без сомнений, готовая отдать всю себя. Глупость, чистая глупость! Эта самоотверженность поначалу раздражала. Но потом стало понятно, что такова ее натура — спасти, исцелить, подарить еще один шанс. Это заслуживало уважения.

А когда она излечила его от смертельной раны, он чуть не взвыл от ярости! Изгнанника, того, от кого отвернулись даже родные. Элира сражалась за его никчемную жизнь. Выложились на полную, решила, что он этого заслуживает. Вместо благодарности кентавр тогда испытывал лишь злость. Недостоин! Его счел не нужным даже отец! А человечка подумала, что может решать, жить ему или умереть. Он тогда вспыл.

Этот поступок что-то в нем сломал. Когда волна ярости схлынула, Таэль вдруг начал чувствовать. Благодарность, ведь она спасла его. Искорку восхищения — смелости девчонки мог позавидовать даже воин. Ее желание узнать все на свете вдохновляло. Ведь сам он давно потерял интерес к чему бы то ни было. А Элира, лишившись всего, не утратила пылкового любопытства. Она... удивительная. И будто пробудила его от долгого сна, вдохнула жизнь.

А сегодня? Да он разомлел, как юнец! Его интерес обрел

иную форму — мужскую, животную. Держа лодыжку, чувствуя под пальцами биение пульса и шелковистость кожи, он захотел большего. Не как страж, не как попутчик. Хотелось притянуть к себе, ощутить тепло хрупкого тела, вдохнуть запах волос, смешавшийся с ароматом устриц. Услышать, как бьется ее сердце в унисон с его. Присвоить. И защищать, чтобы никто никогда больше не смог до нее дотронуться.

И тут же, как удар копытом под дых, накатила вина. Острая, разъедающая.

Таэль вел Элиру на заклатие.

Знал, что сородичи идут по пятам. Болтливые дриады наверняка разнесли весть о чудесной целительнице по всему лесу. Племя жаждало исцеления Роши любой ценой. Новый способ сработал с наядой, но Роша... Это древнее, проклятое место. Сил может не хватить. Они выжмут ее досуха, как губку, и выбросят умирать. Или сама она, увидев масштаб разрушений, не остановится, пока не отдаст все.

Они не успеют дойти до Совета фей, их перехватят по дороге. Таэль уже прочел знаки на тропе — ловушки сородичей расставлены на всех подходах к фейским землям.

И тогда... Тогда она узнает, что он — не благородный защитник. А подлый предатель, не достойный даже ее ногтя.

Перед ним встал выбор, который навсегда изменит его жизнь. И времени не осталось.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.